

Дискуссии и обсуждения

ВОЙНА В СИСТЕМЕ ЦЕНТР-ПЕРИФЕРИЯ: ТРАДИЦИОННЫЕ КОНЦЕПТЫ И НОВЫЕ ДИСКУРСЫ

**Стенограмма круглого стола
15 апреля 2015 г., г. Ростов-на-Дону**

Аннотация: Журнал «Политическая концептология» публикует стенограмму круглого стола «Война в системе центр-периферия: традиционные концепты и новые дискурсы», проходившего в г. Ростов-на-Дону 15 апреля 2015 г.

Ключевые слова: война, система центр-периферия, концепт, дискурс.

Участники:

Гонтарь Н.В., кандидат географических наук, старший научный сотрудник (ЮФУ)

Константинов М.С., кандидат политических наук, доцент (ЮФУ)

Лубский А.В., доктор философских наук, профессор (ЮФУ)

Макаренко В.П., доктор политических и философских наук, профессор (ЮФУ)

Неретина С.С., доктор философских наук, профессор (ИФ РАН)

Попов В.Ю., младший научный сотрудник (ЮФУ)

Поцелуев С.П., доктор философских наук, доцент (ЮФУ)

Шкуратов В.А., доктор философских наук, профессор (ЮФУ)

В.П. Макаренко: Уважаемые коллеги! Сегодня наш гость — Светлана Сергеевна Неретина, главный научный сотрудник Института философии РАН. Она — крупный специалист в сфере средневековой философии, методологии науки и концептологии. Под её редакцией вышла коллективная монография, посвящённая Михаилу Константиновичу Петрову, а также сборник статей «Подвластная наука: наука и советская власть». Обе книги мы обсуждали. Сегодня займёмся темой «Война в системе центр-периферия: традиционные концепты и новые дискурсы». Традиционные концепты — это множество философских, социальных и антропологических учений о природе войны, которые сформулированы в истории мысли. Под новыми дискурсами я имею в виду обсуждение феномена войны в контексте постсоветской реальности, главными элементами которой являются русская власть и бюрократическое государство.

Более двадцати лет назад я закончил цикл работ по проблеме бюрократизации экономики, политики и идеологии констатацией: «В какой бы стране ни приходили коммунисты к

власти, они делают из своего „марксизма“ такую идеологию, действительным содержанием которой являются национализм, расизм и имперские амбиции. Большевистская партия способствовала пробуждению националистических идеологий, используя их в качестве средства взятия и удержания власти. То, что происходит сегодня, свидетельствует, что коммунисты сами произвели на свет своих могильщиков. Национализм может существовать только как идеология зависти, ненависти и жажды власти. В наши дни он стал фактором разложения социалистического лагеря, единство которого опиралось исключительно на силу. Если бы коммунисты победили во всем мире, мы имели бы дело либо с господством одного государства над всем миром, либо с бесконечной серией войн между «марксистами», правящими в различных странах» [Макаренко 1992: 463].

Можно ли использовать эту констатацию для анализа войн на постсоветском пространстве? Ведь на постсоветском пространстве войны продолжаются уже третье десятилетие. Или её следует дополнить наблюдением Томаса Венцлова: в нынешних постсоветских государствах воспроизводится не только местный национализм, но и имперские схемы социального и государственного управления, типичные для Российской/советской империи, в состав которых входят войны и карательные операции [Венцлова 2015]? На эти вопросы нет окончательного ответа. Тем важнее обсудить их разнообразные аспекты.

В качестве преамбулы скажу, что в России до сих пор господствует официальная точка зрения на события в отношениях между Россией и Украиной. Между тем, ещё в первой своей книге я показал, что официальная (или правительственная) точка зрения на факты и события социальной действительности заключается в специфическом опыте пренебрежения правительства к реальной сложности социальных событий и процессов, навязывании населению своего примитивного взгляда на события и процессы, а также в опыте выживания правительства в условиях перманентной социальной дезорганизации. Отношение правительства России к событиям на Майдане, в Крыму и Донбассе подтверждают эту характеристику.

Профессиональные философы начинают реагировать на проблему. В 2014 г. опубликован № 19 «Синего дивана» — философско-теоретического журнала, главным редактором которого является Елена Владимировна Петровская, старший научный сотрудник Института философии РАН. Мы с нею служили в одном взводе — она была аспирантом, а я докторантом сектора философских проблем политики Института философии АН СССР. Весь номер посвящён анализу событий на киевском Майдане в период с декабря 2013 по февраль 2014 года. Сразу после выхода журнала я связался с Еленой Владимировной и попросил у неё разрешения на перепечатку статьи Майкла Хардта и Антонио Негри (известных политических философов и теоретиков) в журнале «Политическая концептология». Статья уже опубликована. Теперь послушаем Светлану Сергеевну — одну из авторов номера «Синего дивана», посвящённого событиям на Майдане.

Воля к правде: презентация журнала «Синий диван»

С.С. Неретина

С.С. Неретина: «Синий диван» не является журналом Института философии РАН. Наши сотрудники выпускают несколько журналов, не относящихся к Институту. Мы сами их организовали и являемся учредителями. Чтобы остаться самостоятельными, мы не выпускаем эти журналы под эгидой Института. Учредителем журнала «Синий диван» является Елена Петровская. Нам удалось выпустить № 19/2014 г., поскольку мы не институционализированы. Этот номер посвящён Майдану — крупному политическому событию, которое навсегда останется актуальным. После выхода номера нас пригласили в Киев рассказать о содержании номера. Мы ездили туда втроём. Некоторые авторы номера — Анатолий Ахутин, Ирина Берлянд — находились в Киеве. Ахутин раньше жил в Москве, потом переехал в Киев, сейчас там живёт. Его жена — гражданка Украины, он имеет вид на жительство. Там же

живёт Виктор Малахов. Народу на презентации было много, полный зал. Встретил нас Мирослав Попович, директор Института философии Национальной академии наук Украины. Он рассказал, что был на Майдане 82 дня. Правда, уходил и приходил, зато его дочь провела там полностью все 82 дня. На Майдане были самые разные люди, не всегда единомышленники. Это же относится к номеру журнала «Синий диван» [Синий диван... 2014]. Например, в журнале есть статья Виктора Малахова, который считал, что нужно было ждать выборов.

Следует подчеркнуть, что в Киеве не было людей, которые организовывали бы Анти-майдан по шаблону Москвы. В Киеве все стояли за своих детей, которым спецназ нанёс телесные повреждения. В Киеве ситуация иная, чем в Москве. Не знаю, какова она в Ростове. На Майдане был Киев и округа, т. е. вся сельская местность. Там люди говорили: «Майдан надо делать в феврале, потому что в марте пойдём сеять и сажать».

Елена Петровская выступала и представляла журнал. Она сказала, что в Москве возникла ситуация, когда надо было высказать свои позиции. Потому что складывалось впечатление, что мы все гурьбой за Украину. Я выступала сразу после неё, поэтому воспроизведу свои тезисы, которые представила в Киеве. Мне был задан прямой вопрос: почему я согласилась участвовать в этом номере журнала? Я ответила и сейчас скажу, что сразу попадаю в философскую ситуацию. Прежде всего, мы — философы, остальное вторично. Наши приложения к политике производны от философской позиции.

Если брать времена античности, то там политик был философом. Я сказала так: чтобы участвовать в журнале, достаточно было сказать одно слово «да». Можно было даже ничего не писать. Почему? Потому что если мы говорили «да», то сразу попадали в ситуацию риска. На мой взгляд, это очень серьёзная вещь, одна из серьёзных ситуаций для философа, о чём мы часто забываем. Мы оказывались в метафизической ситуации. Что значит быть в ситуации риска и в метафизической ситуации? Это ситуация, когда оказываешься там, где ничего нет. Ты оказываешься в тяжёлом бытии. Потому что должен решать, что дальше делать. Потому что сам Майдан — это метафизическая точка отсчёта, точка ничто. И это тяжёлый путь. Но этот тяжёлый путь был бытием истины, даже если не дойти до конца, потому что может не хватить сил. Майдан смял всё предыдущее, а другого ничего не было. Вот это и есть ничто, с которого надо было выбраться и создать условие выбора. Что это означает? Это радостное ощущение лепета, простора для мысли и действия.

Здесь я сделаю маленькое отступление. Виктор Павлович сказал, что я сторонник концептологии, но это абсолютно не так. Концепт предполагает простор, выход на простор. Если кто-то читал Хайдегера, то в основании его слова «захват» лежит слово «грабли». Когда мы работаем граблями, то что-то схватывается, а что-то остаётся вовне. Возникает ситуация, когда не знаешь, что ты схватываешь. Ты начинаешь сразу обдумывать: это то или не то. А концептология предполагает замкнутую систему. Концептология — это когда ты занят понятием. Слово *концептология* есть завуалированное понятие. Тогда как слово *концепт* означает зачатие, зарождение, которое то ли будет, то ли нет. О таком просторе для мысли и действию говорится у Платона в диалоге *Алкивиад*. Замечательный диалог, он имеет прямое отношение к теме нашего собрания.

В этом диалоге Сократ одновременно размышляет и спрашивает у Алкивиада, что такое война. Например, когда ты был мальчишкой, ты знал, что такое хорошо и что такое плохо, как у Маяковского. Но ты вдруг стал взрослым и настал момент, когда ты ничего не знаешь. Когда ты прекратил понимать, что такое хорошо и что такое плохо. Именно такой является ситуация, когда человек попадает в *агон*, в *полемус*. Это состояние, когда словесный спор часто переходит в кулачный бой, потому что ты не знаешь, что такое хорошо и что такое плохо. Более того, на кулачки переходить — это понятно, особенно, если помнить, что рука — продолжение головы, и надо восстановить угасшую логику, которую приводит в движение рука. Об этом очень хорошо писал А.В. Лебедев в книге о логосе Гераклита [Лебедев 2014]. Он показал, что книга Гераклита посвящена государственному устройству, а не природе. Тогда ста-

новится понятно, почему её написал именно Гераклит. Он её написал потому, что в ней содер­жится знаменитая формула Гераклита: «война всех против всех». Собственно, с этой фор­мулы начинается проблема войны. Гераклит участвовал в организации своего полиса, как лю­бой свободный человек. Он написал это в эпоху Ионийского восстания, скорее всего, после его кровавого подавления. Он поставил перед собой цель обосновать естественность войны и опровергнуть доводы тогдашних пацифистов. Они ссылались на гомеровское проклятие вой­ны и искали компромисса с завоевателем. Тогда как Гераклит хотел создать федералистское государство для борьбы с Ахеменидской империей.

Эта история Гераклита существенна для понимания наших дней. Он начал разрабаты­вать идеи *агона* и *полемоса* на основе анализа деятельности спортсменов. Он показывал, что любое деяние, которое осуществляет греки, есть поворот. Поворот — главный термин фило­софии Гераклита. Когда что-то кончается, начинается другое. Причём, этот поворот является как бы продолжением предыдущего, но это такое продолжение, которое не имеет обратного пути. Когда спортсмен бежал по стадиону по прямой дорожке, то в определённый момент он должен был повернуться на 180 градусов и проделать обратный путь с совершенно другими задачами. Вот эти удивительные вещи, связанные с *агоном* и *полемосом*, мы забывать не должны. Мы должны знать, что *агон* и *полемос* связаны с жизнью и смертью. В русском языке есть слова *агония* и *полемика*. Вот когда возникает *агон*.

Напоминаю, я не собиралась делать доклад, поэтому некоторые вещи могу упустить. Дело в том, что *агон*, как правило, возникает тогда, когда обычная жизнь обветшала. Когда мы понимаем, что старая жизнь перестаёт работать, она ветшает. Вроде бы она идёт, вроде мы начинаем клясться ею, постоянно говорим, что мы за традицию и т. д. Тем не менее, мы понимаем, что старая жизнь ветшает. И война показывает, что обычай обветшал.

Вспомните, когда шла война с Чечней или Грузией, в России не возникла столь напряжённая ситуация. Она возникла тогда, когда вспыхнула война с Украиной, которую мы считали ближе всего к России. В этот момент мы посмотрели на себя и увидели, что в нас нет того, чего мы ждём от Украины, а в Украине уже нет того, чего мы хотели бы, чтобы оно там было. Обветшал обычай, он превратился в рухлядь. А в чём он обветшал, мы пока ещё не вы­яснили. Мы начинаем с этим бороться. Все телевизионные баталии в России посвящены тому, что либо что-то есть на данный момент, либо тому, что мы хотели бы взять с Запада. Но мы до сих пор не видели события, из-за которого возникла эта война — разгона украинским спецназом мирной демонстрации киевской молодёжи. Здесь надо понять, что состояние об­ветшалости не всегда возможно показать, и тем более нельзя научить быть рухлядью. В со­стоянии обветшалости человека зажигает всё, вплоть до готовности к войне и жертвы жиз­нью. То и только то, что зажигает человека на войну, действительно важно, однако оно не до­казуемо, не показуемо и не передаваемо.

Я специально сейчас расширила то, что сказала в самом начале, когда язык начинает ле­петать то, что ещё не сказано, но уже действует. Участник войны не знает, чем он захвачен, он знает приблизительные причины того, что будто бы случилось. Например, он знает, что «свалили» Януковича и началась война. Но он этому рад, потому что говорить про принцип в данном случае смешно. Он должен прояснить понятие. Именно прояснению понятия посвя­щены все безумные споры на российском ТВ. Я просто выключаю первый канал, включаю более спокойный ТВЦ, где хотя бы дают слово оппонентам. Но дело не в этом. Если мы хо­тим заняться философией, то должны услышать то, что проскальзывает между словами, но остаётся недосказанным. Между глазами, которые выскочили вперёд, и головами, которые остались сзади. Мы должны понять, как и когда возникает то новое, вокруг чего началась война. Мы должны попытаться увидеть лицо этого захвата. Оно как бездна, как ничто, как настоящее. Это похоже на начало мира, которое одновременно есть начало войны. Это зна­чит, что мы должны вернуться обратно к вещам и к той точке, где происходит разговор о них.

Разговор об обветшавших вещах произошёл на киевском Майдане. В древней Греции такой разговор происходил на базаре, на форуме. *Форум* в переводе означает *рынок*. Это никогда не надо забывать. На базаре, на рынке, на форуме, на майдане. Киевский Майдан — это современный греческий рынок, форум, агора. Это место, где говорили о самых важных делах и вещах. Если вспомнить латинское слово *res*, то оно означало *вещь-дело*. Не *вещь* отдельно, а *дело* отдельно, как мы иногда говорим про котлеты и мух, а всё вместе. Майдан — это вещь, которая говорит о главном и делает главное дело. На Майдане говорили о вещах-делах и о добывании вещей-дел. Одни говорили, что надо добиваться новых выборов, другие говорили, что надо стоять и стояли. Но те и другие говорили о деле.

И то, что сейчас молчит (в известной степени) философия, — это её дело. И даже те разговоры, что происходят на ТВ, — тоже дело. Потому что это промедление, которое обозначалось известным, но забытым словом *shole* — школа. В самом первом понимании оно означало просвещённый досуг, для которого необходимо замедление. Мы должны остановиться, задержаться. Очень интересно, что русское слово *замедление* связано со словом, мыслью, думаньем. Когда мы говорим, что надо вернуться к вещи, посмотреть, что такое хорошо, и что такое плохо, и какие принципы начинают образовываться, — то это формула, а если это формула, то это строгая формула. Это взгляд Платона на вещи, это достоверное знание, к которому ни в какие эпохи ничего не может быть прибавлено. Формулировки могут меняться, варьироваться и восприниматься по-разному.

Но какая разница, если человеку позволено не знать таблицу умножения? Тем более, если мы знаем, что таблица умножения не всегда применима. Мы знаем, что дважды два равно четырём, но два человека в Риме и два человека в Афинах не составят четверых. Математика это прекрасно знает, достаточно силы абстракции, чтобы всё это совместить. Однако если незнание таблицы умножения прощается, так как она не всегда применима, то незнание истин общей философии порождает *уродство*, т. е. выход из *родства*.

В данном случае очень важен выход. Как говорил В.В. Бибихин, — мне это очень нравится, — в этом смысле мы уроды. И это не образ и не метафора, потому что при обсуждении ситуации на Майдане мы о философии просто забыли. Я думаю, сейчас есть время это вспомнить.

В.П. Макаренко: Добавлю несколько слов. Вначале напомню, как связаны интересы Светланы Сергеевны к философии античности и средневековья с политическими сюжетами. В 2012 году она выпустила книгу «Воскресение политической философии и политического действия. Парижское восстание, 1356–1358 годов». Сейчас она упоминала Ионийское восстание в Древней Греции в контексте определённой трактовки терминов *агон* и *полемос*. Парижское восстание произошло почти две тысячи лет спустя после Ионийского. Майдан состоялся в 2014 году, шестьсот с гаком лет после Парижского восстания. Но во всех трёх событиях имели место *агон* (то, что Светлана Сергеевна называет обветшанием обычая) и *полемос*, т. е. единство словесной и физической войны, единство слова, вещи и политики как общего дела. Напомню, что слово *республика* означает такое единство. В книге «Воскресение политической философии и политического действия» Светлана Сергеевна на основе изучения хроник, относящихся к Парижскому восстанию, реконструировала событие восстания и по-новому посмотрела на связь восстания с революцией. Я считаю весьма ценным соединение исторического знания с блестящим знанием методологии. Этот синтез используется для анализа восстания, войны и революции. Эту книгу я бы рекомендовал историкам, политологам и философам, особенно студентам. Если вы поступаете на отделение политологии, то требуется реальное знание одной из сфер социальной действительности — истории, права, экономики или других дисциплин. Если такого знания нет, политолог становится трепачом и холуём. Надо владеть конкретикой.

Сейчас выступать должен я. Однако отступлю от регламента и предоставлю слово профессору Владимиру Александровичу Шкуратову. Он несколько лет назад выпустил интерес-

ную книгу, которую я читал, но уже подзабыл. Но когда я готовил программу круглого стола, он напомнил мне о ней.

Война в центре и война на периферии

В.А. Шкуратов

В.А. Шкуратов: Книга называется «Искусство экономной смерти». Коллеги, если мы попробуем нарисовать карту милитаризации ойкумены земного шара, то получится ряд концентрических кругов, как если бы мы по принципу инфографики закрасили земной шар в разные цвета, от красного до зелёного, по степени возрастания опасности. Самая спокойная пацифизированная зона — это Старая Европа. Представить войну между Швейцарией и Австрией невозможно. Между странами НАТО — тоже невозможно. А вот Индия и Пакистан, Азербайджан и Армения, Сомали и Эфиопия будут воевать. Хотя Пакистан и Индия уже не будут воевать, потому что у них есть ядерное оружие. Почему так происходит? Потому что центр цивилизации менее милитаризован, а чем дальше к периферии, тем больше риск войны. Эти войны ведутся по типу войн XX века, с участием больших механизированных армий.

Теперь напомню о своей книжке. Когда я писал книжку «Искусство экономной смерти», мне бросилась в глаза большая асимметрия между эффектом насилия и реальными потерями. Приведу факты. Во время Иракской кампании США 2003 г. количество жертв вызывает раздумья. Вот ужасная бомбардировка 31 марта 2003 г. — самая страшная ночь. Обозреватель сообщает, что по количеству килотонн это самая большая бомбардировка за всю историю. Теперь по потерям: это всего 10 человек и несколько десятков раненных. Напомню количество жертв во время бомбардировок Дрездена в феврале 1945 года — около 30 000 человек. Теперь официальные потери США во время бомбардировки Ирака. Американская армия потеряла убитыми 121 военных, а британская — 31. Иракская потеряла около 10 000 военных, потери среди гражданских — около 1000 человек. Привожу потери во время германо-польской компании 1939 года: германские потери — 150 000 человек, польские — около 240 000 человек.

Корреспонденты, которые наблюдали за бомбардировкой Багдада, говорили, что это фантастическая картина: ракеты просто вгрызаются в поставленные объекты и уничтожают их изнутри. А рядом горят уличные фонари, электричество не выключено. Это война совершенно иного типа. Американская компания длилась около 3 недель и была совершенно успешной по стратегии введения войны. А потом была очень долгая история, которая длится по сей день. Но это несколько не отражается на моём тезисе. Потому что сначала был один, потом другой тип конфликта. Вначале была война за постсовременные стратегии, затем эти стратегии были применены для традиционной и затяжной колониальной войны с туземцами. Все эти соображения вынудили меня сформулировать тезис, который совершенно противоречит общепринятым взглядам в отношении XXI века.

На мой взгляд, насилие в XXI веке — это путь преодоления массового насилия с громадным количеством жертв, которое была характерным для XX века. Таков, если угодно, эксперимент истории. А вот удался он или нет? — совсем другое дело. Чтобы всё рассматривать, нужна другая методология. Но для анализа современных процессов нам сплошь и рядом подсовываются методы позапрошлого века. Они были добротными, но тогда не было и в помине эфирного вещания. Поэтому пролонгирование классических подходов уже давно неперспективно в неклассическом мире.

Я пытался разработать в этой книжке концептуальный аппарат, а также применить его к современному материалу. Я просто смотрел телепрограммы в момент кризиса, а потом их анализировал. В моем анализе и выводах я попытался обобщить все виды насилия начала XXI века: насилие 11 сентября в США, войну США в Ираке, затем террористические акты в России (Норд-Ост, Беслан), цветные революции в Сербии, Грузии, Украине, Киргизии. Затем

мне пришлось вступить в полемику с коллегами, которые бранили и даже издевались над так называемыми *цветными революциями* за то, что они безыдейные. Якобы эти шоу были организованы некой группой с помощью телевидения. Как в Киеве: есть инициативная группа, выступают артисты, ораторы, а вечером туда приходит весь Киев. Затем они расходятся.

С моей точки зрения, это был исторический эксперимент, который нащупывал путь бескровного насилия. Путь кровавого насилия в XX веке зашёл в тупик, потому что были две мировые войны. И после 1945 года стало очевидно, что далее применять военный арсенал невозможно. Если он будет применён, вместо бифштекса победителю достанется пепел, да и сам он станет пеплом.

Поэтому методом проб и ошибок начали искать войны без насилия и крови. Без насилия истории обойтись нельзя, но насилия другого типа. С применением информационных воздействий, с точечным применением военного насилия. Методы медианасилия другие. Современное насилие и война происходят с большой кровью. Постсовременная война идёт без крови или меньшей кровью. Если в центре Европы, во Франции погибнет 3 человека, то это будет шок. Например, США отозвали из Сомали экспедиционный корпус, когда там погибло 16 солдат. Такие потери для них невозможны. Поэтому они свой корпус вывели и разрешили воевать эфиопской армии, которая там потеряла несколько десятков тысяч.

Значит, рассматривать постсовременную войну без медиавоздействия просто невозможно. Я думаю, новая геополитика войн развивается таким способом, что в центре военные конфликты старого типа невозможны, они переходят на периферию. Центр переносит военные конфликты на периферию таким же образом, как он переносит туда грязное человекозатратное производство. А как сделать так, чтобы пацификация распространялась и дальше? — Этот вопрос меня очень занимает. Мне кажется, что это скорее фактор культурный, чем технологический. Это медиа-культурный фактор, для него нужен новый антропологический факт — новое состояние человека. И здесь пример показывают все революционные променады.

Я даже ввёл новый термин, мысленно дискутируя с Фуко, с его дискурсивными практиками. Вместо *дисциплины* я предлагаю понятие *визциплина*. Дисциплина — это организация тела, порядок социального объединения с объединением биологических тел. Визциплина происходит от слова визуальность. По Бодрийяру, это объединение визуальных дел, визуальности. Здесь люди должны обладать способностями к игре, способностями тонких кодов (или ходов) и не заходить слишком далеко. Затем надо не воспринимать дело очень серьёзно, потому что если принимать политику близко к сердцу, то будет большая кровь. Будет насилие и классические революции. А если не воспринимать, то будут неклассические революции. Об этом всем я пишу в своей книжке.

Теперь, в заключение, вернусь к Украине. Реальность сложнее, здесь мы имеем дело с регрессом медиа-политики государства в России. Регресс начинается с события в Норд-Осте, которое транслировали в прямом эфире, там не было возможности цензурировать. Потом прямой эфир закрыли. Беслан уже не транслировали в прямом эфире. В России открытая медиаполитика была свёрнута с начала 2000 годов. Но не до конца, потому что до конца свернуть её невозможно. Если говорить об Украине, то это промежуточная война. Если брать численность армии, то с разных сторон на Донбассе воюют по 30 000 человек, т. е. воюют два корпуса. Конечно, они очень напичканы техникой, но авиации и военно-морских сил нет. Всё время размах конфликта сдерживается, потому что это всё-таки не периферия. Это ближе к центру. Трудно прогнозировать развитие событий. Но мне кажется, что история движется к пацификации. Греки считали войну совершенно обычным совершением дел, т. е. война — нормальный способ общения между полисами. Средневековое рыцарство считало, что война есть дело благородного сословия и совершенно нормальное ремесло. Сейчас мы приходим к выводу, что сам феномен войны и связанные с ним ремесла есть ненормальное состояние. Я подозреваю, что это связано с образованием нового класса, новой ментальности. Но эту мен-

тальность нельзя рассматривать как подчинённый компонент по отношению к технологии и власти. Это — один из ведущих компонентов.

В.Ю. Попов. Некоторые футурологи высказывали предположения, что в XXI веке войны будут вестись там, где есть перенаселение. То есть, демографический взрыв: людей много, а нужно как-то реализовать себя. Процессы типа войн, столкновений, вооружённых конфликтов будут происходить по-прежнему. Но то, что мы видим сейчас, — здесь нет демографического взрыва. Война между Россией и Украиной — это какая-то другая война. Я хотел был предложить здесь концепт гравитационной войны и прошу вас его прокомментировать. Почему гравитационная? Потому что это война притягиваний и отталкиваний, не знаю, как назвать, цивилизационных или нецивилизационных, но крупных культурных пространств, организованных определённым образом. И эта гравитационная война ещё не теоретизирована. Может, Вы что-то знаете по этому поводу?

В.А. Шкуратов: Нет, о гравитационной войне впервые слышу от Вас, но как я понимаю, это модификация концепции Хантингтона о войне цивилизаций.

В.Ю. Попов: Я не хотел бы ассоциировать гравитационную войну с концепцией Хантингтона. Потому что там другие смысловые нагрузки. Потому что это не совсем может быть цивилизацией.

В.А. Шкуратов: Вы имеете в виду массовое столкновение? На сей счёт скажу, что самая густонаселённая страна в Европе — Нидерланды, а это самая мирная страна. Здесь никакой связи нет. Я бы сказал, что войны становятся оболочечными. То есть, существует некая цивилизационная оболочка глобального контроля, скажем, под контролем Европы или США, которая позволяет или не позволяет разгораться конфликтам. Видимо, опасность современного миропорядка ещё не установлена или он утерян. Нет гиперинстанции, которая может регулировать конфликты. В целом, на Западе это урегулировано, на границах нет. Потому что время ООН подходит к концу. Сверхдержавность США поколеблена. Баланс между РФ и США не установился. В чём причина трений между Россией и США? — Россия считает, что должен быть баланс между странами, США так не считают. Они не считают РФ сверхдержавой. Но у США нет гравитационной мощи. Поэтому мир находится в неустойчивом состоянии. Происходит массообразование.

С.С. Неретина: Мне понравилось ваше выступление, спасибо. Но когда вы говорите, что к современной войне не надо относиться серьёзно, то я вспоминаю одну из последних статей Александра Павловича Огурцова. Она называлась «Поражение философии». Речь идёт о страшной вещи — философия уступает позиции богословию, что недопустимо.

В.А. Шкуратов: Но это ведь локальное явление?

С.С. Неретина: Оно не локальное, оно прошло повсюду. Но я имею в виду сейчас Россию. Иногда вы заходите в Институт философии РАН и не понимаете, куда попали. Там мельтешат люди в рясах, с кадилами и им подобные. Но я о другом. Произошла банализация понятий. Раньше понятия «добро», «идея» считались строгими. Теперь мы не знаем, к чему они относятся. Мы не знаем, что такое плохо. Даже универсальное понятие нравственности мы можем к чему-то применять, а к чему-то не применять. Недавно я прочла в «Фейсбуке», что хорошо помнить золотое правило нравственности, но к политике мы его применять не будем. Это означает, что философ утратил убеждение в том, что он должен мыслить в определённых пределах. Если он это утратил, то Фуко оказывается абсолютно прав, когда говорит о конце философии и конце чего угодно. Потому что всё смешалось в этом мире. Мы теряем то самое дело-вещь, о котором я говорила в отношении Гераклита. Конечно, мы можем сказать, что до VI–V века до новой эры мы спокойно жили без философии, но, во-первых, мы этого не знаем. Это легко говорить, потому что сохранились источники. О той культуре мы ничего не знаем.

Например, когда в Трипольской культуре мы видим существование карты с изображением звёздного неба, то мы приходим в удивление. Это означает, что люди занимались делом. И

смешно утверждение, что до V века люди жили без философии, и мы тоже вполне обойдёмся без неё. Не проживём, потому что научились думать, каким-то образом продумывать всякие вещи такого рода. Очень важно применять и понять это серьёзно.

Вернёмся к банализации понятий. Что такое нацизм? — Мы это забыли. Никто не пишет о забытых понятиях. Я это увидела у Гасана Гусейнова, он замечательный филолог, принадлежал к Тартуской школе. Он пишет о фашизации языка. Я почти процитирую: в конце 70-х годов, в застолье бывших блокадников-ленинградцев, я услышал такую байку. (А я слышала об этом от своей собственной подруги, поэтому могу подтвердить). В блокадном Ленинграде зимой в 1942–43 года несколько дней висел плакат с надписью «Смерть врагам фашизма». Все понимали, чем грозила эта надпись. Но голод и холод, чувство юмора, все понимали, что имел в виду тот, кто это писал. Поэтому через несколько дней сняли этот плакат, без всяких последствий для написавшего. Однако гораздо важнее причина, что бывшие блокадники вспомнили этот плакат именно в 1970-е годы. То были годы, когда в СССР существовала железобетонная определённость только одного отрезка истории нашей страны — победы над национал-социализмом и фашизмом. Фашизм считался абсолютным злом, который несовместим ни с одной из идеологий. Победа над ним подчёркивалась. Ни так называемый буржуазный национализм, ни так называемый великодержавный шовинизм, ни расизм не достигали до абсолютного идеологического зла фашизма. Единственная трудность заключалась в том, что в СССР со второй половины 1930-х годов фашизм перестали изучать как политическую идеологию. Я сама могу вспомнить лишь один случай, когда во второй половине 1930-х годов Бухарин в Париже выступил с критикой фашизма. Но это были последние годы его жизни. Однако де Голль тоже считал фашизм абсолютным злом. Но даже в моменты, когда к каким-то вещам хочется относиться несерьёзно, разум должен напрячь свои усилия. Иначе мы попадём в то самое уродство, о котором я говорила.

В.А. Шкуратов: Но это ведь не вопрос?

С.С. Неретина: Нет, это реплика.

В.А. Шкуратов: Я ничего не имею против напряжения разума, это совершенно необходимо, чтобы разум не атрофировался. Но я имел в виду идеологию, а не философию. Потому что философия имеет печальное обыкновение попадать в плен к идеологии, когда чёткие понятия превращаются в катехизис. До сих пор философия не смогла избежать этой дилеммы. Безусловно, здесь важны попытки западных авторов, которых заботила мысль о таком построении философии, чтобы она не была использована политически никем — ни левыми, ни правыми. Но в таком случае она будет вообще невразумительной.

С.С. Неретина: Я могу возразить. Если понимать под философией некую предметность, то тогда она в плену идеологии. Но даже в самом слове *философия* не содержится никакой предметности. Философия — это то, что я принимаю из своего внутреннего состояния и применяю к определённому предмету. Действительно, это большой прокол, в том числе постмодернистской философии, поскольку её представители тоже понимают философию предметно.

В.А. Шкуратов: То, о чем вы говорите, есть способ жизни.

С.С. Неретина: Да, конечно. Это сам способ жизни.

А.В. Лубский: Не столько способ жизни, сколько индивидуально-личностный подход к ней.

С.С. Неретина: Нет, не просто личностный, а философский.

А.В. Лубский: Да, философский и индивидуально-личностный.

С.С. Неретина: Да, совершенно правильно. Поэтому когда мы говорим *древняя* или *средневековая* философия, то для меня эти слова пустые. Потому что для меня философия одна. Когда я философствую, то всю философию втягиваю в себя и пропускаю через себя. Когда я выступала, то вспоминала о Гераклите. Вы сделали прекрасный доклад о современных вооружениях. Что это — результат зла или стремление военно-промышленного комплек-

са к развитию? Ведь накопление громадного множества смертей может быть зависимо от одного человечка с ядерным чемоданчиком. Откуда это? — Я не знаю. Но знаю, что это громадный запас человечеству, может наяву, а может во сне, когда человечество делает жесты космосу и законам космоса, а внутри находится творец космоса. Ведь вопрос о гравитационной войне — космическом отношении к делу — неслучаен. Потому что философия остаётся философией. Хочу напомнить молодым ребятам, чтобы они знали. У Этьена Жильсона есть замечательная книжка «Философ и теология». Я в свое время делала эксперимент: просила ребят написать реферат, и почти все написали «Философия и теология»! А ведь надо было просто прочесть название книги, там ведь написано «Философ и теология». То есть, у всех было жёсткое убеждение, что философия — это некая предметность, сродни теологии как дисциплине. А что имел в виду Жильсон? Он имел в виду, что в отличие от дисциплинарной догматики, философ всегда рождается один раз. Он может быть ничего, кроме этого выступления, не скажет. Но в этот момент он философ. И для него философ — это Аристотель, он всегда был один. Это от невнимания или от тех убеждений, которые подталкивают нас называть философией предметность.

Теперь насчёт дисциплины, это интересная вещь. (*Обращаясь к В.А. Шкуратову*) Вы говорили о визциплине. Как раз по этому поводу, потому что в слове *визциплина* фонетически буква *Z* преобразуется в *V* и получается любопытная вещь. Получается то, с чего Августин начинал свою диалектику. А диалектику он начинал не с того, что диалектику нужно искать, находить. Это цицероновское старое понятие, я говорю не о платоновской, а о цицероновской диалектике. Потому что Августин — ученик Цицерона. А он говорил, что она начинается с силы. Если у тебя силы нет, то ничего у тебя не выйдет. Что происходит от этой силы? Вита — раз, Виа — два, Винум — три, мужская часть должна встрепенуться, и т. д., и т. п., в том числе Видэо. Корень *V*. И сам символ *V* очень сильный, потому что это рогатка, которая натягивает стрелу. То есть, для него диалектика начинается с возможности применить силу там, где надо приложить ум. Поэтому разделение дисциплины любопытно само по себе. Тем более я почти уверена, что «Диалектику» Августина никто не читал. Я в институте веду курс латинского языка для сотрудников, и мы там её впервые переводим.

А.В. Лубский: Хочу сделать маленькую ремарку и обратиться к нашим молодым коллегам. В 1991 году Виктор Павлович Макаренко пришёл ко мне с новой книжкой, которая называлась «Политическая философия», и попросил написать предисловие. В 1992 г. книжка вышла. Я написал о своем понимании политической философии. Там есть слова: «Вы держите в руках книгу, в которой Виктор Павлович выступает как политический философ, вступает в индивидуально-личностное отношение к той политической повестке дня, которая сложилась в нашей начинающейся российской истории». Это та самая политическая философия, которая не обладает предметностью. Это рассуждения Виктора Павловича о том, что есть политическая философия и когда необходимо сделать свой выбор.

В.П. Макаренко: Я помню, как мы с тобой обмывали выход книжки в кафе на Ворошиловском. Действительно, книжки с таким названием в России тогда ещё не было. Но я хорошо помню, что находился тогда под впечатлением от статьи Ханны Арендт «Традиции и современная эпоха». Ханна Арендт повлияла на меня своим пониманием отношения между традицией и современностью.

Политические концепты и фреймы информационной войны

М.С. Константинов

М.С. Константинов: Хочу сделать несколько оговорок. Во-первых, темой информационной войны я не занимался никогда, она всегда была на периферии моих исследовательских интересов. Это тот случай, когда тема сама заставила заняться собой. Я просто наблюдал за процессами, которые происходили на Украине и за отношением к этим процессам в офици-

альной России. И чем более я наблюдал, тем более возрастало моё изумление. Мне казалось, что я всё меньше понимаю происходящее. Это и заставило меня заняться проблематикой информационной войны.

В основу моего доклада положен интегративно-когнитивистский подход к анализу моральных фреймов политических идеологий, разработанный С.П. Поцелуевым, М.С. Константиновым, Т.В. Беспаловой и И.В. Николаевым [Поцелуев, Константинов 2013: 61–64]. Данный подход предполагает комплексное изучение взаимообусловленности политической морали и идеологии, которое реализуется посредством сочетания методологии деятельностного и концептологического подходов, а также фрейм-анализа. Я попытаюсь применить методологию указанного подхода в анализе стратегий российско-украинской информационной войны, развернувшейся в конце 2013 г. и продолжающейся с различной степенью интенсивности и накала по сей день. Суть этого подхода состоит в исследовании моральных фреймов, определённым образом организующих влияние идеологических концептов на восприятие и осмысление акторами актуальных политических проблем и, как следствие, на их мотивацию и целеполагание в политической деятельности. Это влияние выражается в следующих функциях моральных фреймов: долженствования, ориентации в политическом пространстве, групповой идентификации, коммуникации и т. д. Не вдаваясь в детали, скажу, что в самом общем виде фрейм можно определить как рамки, которые задают смысловое определение ситуации. И, соответственно, определение и переопределение этих рамок есть одна из ключевых целей пропаганды и информационной войны. Следует сразу оговориться, что ни юридические (будь то вопросы легальности передачи власти на Украине, прав граждан, (военно)пленных и т. д.), ни фактологические вопросы не были предметом моего доклада. Меня интересовало исключительно информационное освещение событий в медийном пространстве. Так, у нас нет данных о военной поддержке Россией самопровозглашённых Донецкой и Луганской народных республик. Однако факт наличия информационной поддержки этим республикам со стороны России вряд ли кто-то станет оспаривать.

Многие журналисты, публицисты и аналитики уже обращали внимание на то, что главным препятствием для реализации информационной войны между Россией и Украиной стало глубоко укоренённое представление о единстве украинского и русского народов, об их общей исторической судьбе. Преодоление этого препятствия осуществлялось посредством дегуманизации противника, придания ему нечеловеческого образа с целью уменьшить давление моральных запретов, лишив моральные фреймы объекта приложения. Так, с одной стороны конфликта широкое распространение получили такие наименования пророссийских активистов, как «колорады» и «ватники»; с другой стороны — «укропы», «бандерлоги» и т. д. Однако действенность подобной «дегуманизации» вызывает сомнения. В конфликте приходится сталкиваться с реальными людьми, а не с мультяшными «колорадскими жуками» или «укропом». Сам накал противостояния говорит о том, что информационная война затронула гораздо более глубинные пласты сознания или, если угодно, «менталитета» противоборствующих сторон, чем это предполагает использование инвективов, вроде «колорады» или «укроп».

Следует иметь в виду, что одним из ключевых отличий информационной войны от PR-кампаний и рекламы является навязывание чуждых целей, изменение на самом глубоком уровне целеполагания. Чтобы воздействовать на этот уровень, задача пропагандиста не может свестись к вбросу в медийное пространство инвектив и мультяшных образов, но должна предполагать подбор значимых и символических фактов и событий (или их конструирование), актуализирующих в массовом сознании определённые концепты и закрепляющих ассоциированные с этими концептами моральные фреймы («фашистский оккупант» — агрессивный, трусливый, алчный, эгоистичный и т. д.; «воин-освободитель» — благородный, мужественный, добрый, щедрый, способный к самопожертвованию и т. д.). И, действительно, анализ позволяет выявить несколько таких стратегий, использованных в рассматриваемой информационной войне.

Уже на самом раннем этапе противостояния в российских СМИ были актуализированы несколько базовых концептов, которые вызвали в коллективной памяти моральные фреймы, негативно характеризующие сторонников Евромайдана («майдаунов»). Сам процесс отрешения Виктора Ф. Януковича от власти преподносился российскими СМИ не просто как «фашистский» переворот, но и как предательство по отношению к России и её народу, по отношению к коллективной «славянской» идентичности и к исторической памяти, одним из ключевых нарративов которой выступала история совместной победы над европейским фашизмом.

Термин «хунта», использовавшийся для характеристики временного правительства на Украине наделялся специфическим для этого термина моральным смыслом предательства «истинных» («исторически сложившихся») интересов народов Украины и России, а также продажности, политической беспринципности, бесчестности, аморальности и даже сексуальной невоздержанности и извращённости (особенно симптоматичны в этом плане два «документальных» фильма «Принцесса у парашу» и «Фурии Майдана: секс, психоз и политика», транслировавшиеся по телеканалу «НТВ» 29 марта и 19 апреля 2014 г.).

Демонстративная апелляция украинских властей к политикам США и Европы и стремление Украины ассоциироваться с ЕС привели к тому, что когнитивная матрица, активно навязывавшаяся в последние годы российской пропагандой по отношению к американцам и европейцам («наглые», «хитрые», «бездуховные», «аморальные», «извращенцы», «пендосы», «растлевающий Запад», «Гейропа» и т. д.) была спроецирована на сторонников «Евромайдана». Однако эта матрица приобрела и некоторую специфику: всё перечисленные качества преподносились как вторичные, заимствованные, как следствие неумелого подражания заблудших и обманутых украинцев, порождённого временным помутнением рассудка и ослеплением ложными миражами европейского благополучия. Вполне естественно, что идея подражания, безумия и ослепления отсылает нас к поведению обезьяны, которая после прыжков и ужимок оказывается загипнотизирована песнями кипплинговского Каа.

Эта идея закрепляется в образе «скачущего на Майдане бандерлога», который дал себя одурачить хитрым европейским политикам и готов фактически «продать страну» «за печенки Виктории Нуланд». Популярность, которую получил в рунете ролик с кричалкой «Евромайдана» «Хто не скаче, той москаль», тому лишнее подтверждение. Понятно, что здесь есть отсылка также к истории колонизации Америки, к бусам, зеркалам и наивным аборигенам, но на этом я уже останавливаться не буду. Российское же общество в этой матрице представлялось как островок стабильности, духовности, традиционных моральных ценностей, вековой мудрости и великодушия: «Мы-то уже пережили ослепление 90-х гг. и хорошо знаем, чего стоят посулы и обещания американцев и европейцев! А вот наивные хохлы, напившись майдауновского чаю с наркотиками, совсем сбрендили и их нужно лечить». Определённое значение в этом контексте имело бескровное присоединение Крыма к России, позволившее противопоставить «кровавый Майдан» и «скакавших на нём бандерлогов», которые демонстрировали свою жестокость, бросая «коктейли Молотова» в сотрудников «Беркута», — «вежливым зелёным человечкам», обеспечивающим порядок при проведении референдума в Крыму.

Что здесь наиболее важно? То, что вероломное коварство коллективного «Запада» (и прежде всего, «заклятого партнёра» России — США), которое ослепило, свело с ума и заставило «скакать на Майдане» братский народ, было воспринято не просто как акт агрессии, но на гораздо более глубоком — экзистенциально-цивилизационном уровне — как братское предательство, попирающее самые основания морального фундамента и единства «русского мира». У Александра Зиновьева в книге «Гомо советикус» есть замечательная мысль о неприемлемости моральных критериев к советскому обществу, поскольку советский человек был поставлен в условия, которые ниже некоторого минимума, необходимого для практической применимости норм морали [Зиновьев 2000: 66]. Продолжая эту мысль, можно сказать, что

драма, которая разворачивается на Украине, усилиями российских СМИ была представлена как покушение на самые фундаментальные основы существования российского общества или, если угодно, русской цивилизации, что с необходимостью снимало моральные барьеры в борьбе за выживание.

Если общество ощущает угрозу собственному выживанию, культурно-цивилизационным основам своего существования, оно оказывается поставлено ниже той грани, о которой говорил Александр Зиновьев. И здесь важно не столько то, насколько реальны эти угрозы. Гораздо важнее абсолютно циничная готовность российских властителей дум в угоду сиюминутной политической конъюнктуре превратить заурядный, в общем-то конфликт в цивилизационное противостояние, с нагнетанием истерии по поводу «фашистов-бендеровцев», «пятой колонны» и т. д. Фактически, именно российские СМИ выдали индульгенцию и власти, и простым россиянам на самое циничное поведение в отношении реальных или мнимых участников рассматриваемого конфликта. Произошло то, что Петер Слотердаjk по отношению к Веймарской Германии назвал «превращением рефлексивно-цинического настроения общества в агрессивное и демонстративное... Веймарский мир стал продолжением войны другими средствами» [Слотердаjk 2001: 452].

И здесь аналогии в некоторой степени уместны: российское общество усилиями медиа действительно оказалось в состоянии продолжения холодной войны. Болезненные воспоминания о поражении, о предательских 90-х гг. компенсируются активной мифологизацией победы во Второй мировой войне, вызывая желание реванша, повторения великих побед и возрождения военной мощи страны. Этим объясняется и терпимость по отношению к «анти-санкциям», готовность к определённым жертвам. Поэтому одним из самых эффективных методов, доказавших свою действенность, стал метод эксплуатации коллективной памяти о Великой Отечественной войне (далее — ВОВ) посредством транспонирования фреймов из героического прошлого.

Особенно яркими примерами являются концепт долга, ассоциированный с фреймами ответственности перед поколением ветеранов ВОВ («деды воевали»), воинского благородства и мужества («русские своих не бросают», «триста стрелковцев» вставших на защиту мирного населения), бесхитростной простоты и близости к народу («народные республики», «народные губернаторы», «народное ополчение» — медийные образы «Мотороллы» и «Гиви») и противопоставляемый ему концепт предательства, конкретизирующийся во фреймах коллаборационизма («каратели», «полицаи», «печеньки Нуланд»; в России — «пятая и шестая колонны»). Противопоставления визуализированы и маркированы различными цветами, символизирующими добро, жизнь, спасение, с одной стороны, и смерть, агрессию, алчность и жестокость с другой: «зелёные человечки» («вежливые люди») — «чёрные человечки» («нацгды»).

Кстати, рассматриваемые концепты весьма многослойны. Так, концепт «триста стрелковцев» отсылает, помимо прочего, к битве при Фермопилах и раскрученному образу «трёхсот спартанцев» царя Леонида. Об этом говорит, в частности, следующий факт: в размещаемых на Youtube роликах о Стрелкове и его «стрелковцах» в качестве фоновой музыки довольно часто использовался «Гимн Спарты» — саундтрек из фильма «Триста спартанцев» Зака Снайдера¹. Один из популярных весной-летом 2014 г. в Донецке билбордов, визуализировавших образ «трёхсот стрелковцев»² явно пытался создать и эксплуатировать эту ассоциацию: «героические триста спартанцев» — «стальные русские» («стрелковцы»). Это тем более очевидно, что по признаниям самого И.И. Гиркина (Стрелкова), его первоначальный отряд в Славянске насчитывал не 300, а всего лишь 50 человек. Массу материалов для подобного анализа даёт националистический проект «Спутник и погром», предоставлявший активное медийное сопровождение проекту «Новороссия». Чтобы в этом убедиться, достаточно бегло-

¹ См., например: http://www.youtube.com/watch?v=QL5IH_ODWac

² См., например: http://mosmonitor.ru/blogs/blog/razryiv_shablona_300_strelkovtsev

го просмотра визуализированных материалов, размещаемых на сайте <http://sputnikipogrom.com/>.

Особенно ярко эффект транспонирования фреймов ВОВ проявил себя в двух «парадах», прошедших практически в одно и то же время — в Киеве и перформансе «парада», проведённого 24 августа 2014 г. в Донецке. Символически и концептуально воспроизвёл «Парад победённых» в Москве 17 июля 1944 г. В рамках этого действия закреплялось противопоставление «антифашистского» ополчения «наёмникам» и «карателям, бомбящим мирных жителей». Особенно удачно обыгрываются бомбардировки жилых кварталов городов Донбасса, поскольку ассоциируется одновременно и с гитлеровскими бомбардировками городов, и с бомбардировками Дрездена союзниками, и с атомными бомбардировками японских городов Хиросимы и Нагасаки (1945 г.). Звучавшая во время «парада» культовая песня «Вставай, страна огромная!» символизировала «восставший против фашистской хунты народ», а поливальные машины, следовавшие за пленными, очищали землю Донбасса от грязи, оставленной нацистскими сапогами.

Наращение противостояния (знаковые события: Кóрсунский погром, снайперы на Майдане, пожар в «Доме профсоюзов», начало АТО, события 2 мая 2014 г. в Одессе и т. д.), соответствующее медийное сопровождение этих событий — от одностороннего освещения реальных фактов до откровенной лжи по поводу «распятых мальчиков в трусиках» и «изнасилованных эпилептических старушек» — только усиливали эту уверенность и накаляли страсти. Достаточно сказать, что есть целый ряд интервью с добровольцами из России — участниками вооружённого сопротивления на Донбассе, где в качестве толчка, капли переполнившей чашу, называются события 2 мая 2014 г. в Одессе. Эта трагедия, каковы бы ни были её реальные причины, в глазах российского обывателя окончательно поставила «другую сторону» конфликта за рамки добра и зла.

И речь идёт не только о самых явных проявлениях цинизма, таких как отвратительнейшая реакция некоторых журналистов и озлобленного общества на смерть Валерии Новодворской, гибель сына Сергея Иванова, сына Виктора Януковича или символическое, на фоне Кремля убийство Бориса Немцова. Ещё пару лет назад всё это было бы просто невозможно. Однако это то, что на поверхности и бросается в глаза. Гораздо важнее, на мой взгляд, менее очевидные вещи. Например, отношение российского общества к поступку актёра Михаила Пореченкова: мало кого смутил сам факт эдакого «сафари» с целью пострелять в людей, которые ещё вчера считались братьями (а ведь моральную тупость в этом отношении довольно легко объяснить, учитывая героизацию ополченцев-добровольцев из России: ведь если осуждать Пореченкова, то придётся осудить и их, тех, кто пишет в своих блогах «ёду мочить хохлов»). Возмущение было только по поводу использования Пореченковым символики «Пресса», что потенциально может нести угрозу российским журналистам.

Но ещё более опасна терпимость общества к практикам достижения пусть даже и морально оправданных целей любыми средствами. В российском обществе произошёл некий серьёзный надлом, результатом которого стало всеобщее моральное оупение, абсолютное безразличие к любым, самым циничным действиям участников конфликта, будь то вовне или внутри. Когда можно обвинить мать семерых детей в предательстве Родины, оторвать её от грудного младенца, увести в другой город, и мало у кого этот факт вызовет моральное негодование. Когда можно устраивать самую настоящую травлю актёров, музыкантов, оппозиционных политиков и журналистов по федеральным каналам, и никого уже не смущает ни откровенное враньё, которое используется в этой травле, ни тот цинизм, с которым она совершается. И т. д. Особенно показательным здесь понимающее приятие (по принципу «я сам обманываться рад», если результатом этого самообмана будет то, что «мы им показали») «лжи во имя...» со стороны российской власти во время крымских событий. Сначала Россия устала от Президента, министра обороны и министра иностранных дел заявляет, что российских войск в Крыму нет, а вооружённые «зелёные человечки» — это местные добровольцы, ку-

пившие оружие «в военторге». Затем через пару месяцев признаётся, что это были российские войска, но те, которые разрешены договором с Украиной. И, наконец, апофеозом стал фильм Андрея Кондрашова «Крым. Путь на Родину», показанный 15 марта 2015 г. по телеканалу «Россия», в котором президент уже прямо говорит о военной операции, использовании (во имя благих целей, естественно!) сил специального назначения на территории другой страны и т. д. И мало у кого эта ложь и последующая бравада по поводу её успешности вызвали моральное негодование. Типичная реакция: «Американцам можно, а нам нельзя? Бандерлоги людей сжигали, насиловали, убивали и т. п.»

Придание конфликту усилиями медиа экзистенциального статуса сняло моральные ограничения и стало оправданием откровенно циничного поведения как представителей российской власти, так и российского обывателя. Поразительно не то, что подобное вообще стало возможным — учитывая мощь современных медийных технологий и средств манипуляции, это не вызывает удивления, — но то, с какой скоростью это произошло и какой тонкой оказалась связь между украинским и российским народами, грань между цивилизацией и варварством.

А.В. Лубский. Я послушал ваше выступление о фреймах, которые используются в интерпретации событий. В этой связи вспомнил русские летописи времён Киевской Руси, когда обострялась борьба между разными княжествами. Вот что в этих летописях пишут: «Свой князь-книжник, податлив ко всем, затыкающий перстом ухо от клеветующих. А чужой князь — пьяница, тяжко умный лев, наслаждающийся кровью зарубленных зря». Вот фрейм восприятия своего и чужого. В связи с этим изменилось ли что-то сегодня? Или эти фреймы естественны и необходимы?

М.С. Константинов: Я не говорил, что они необходимы. Они актуализируются в контексте конкретных политических ситуаций.

А.В. Лубский: Светлана Сергеевна говорила, что война естественна, а я спрашиваю о фреймах: может они действительно естественны и необходимы?

М.С. Константинов: Я спорить не буду: они использовались прежде и используются теперь. Мы выяснили, что фреймы связаны с базовыми идеологическими концептами. Базовые концепты обязательно сопровождаются набором приписываемых характеристик. Новое в информационной войне между Россией и Украиной — сама идея противостояния между «братскими народами», как они ещё вчера квалифицировались.

А.В. Лубский: А я вам скажу, что это братство мифическое. Потому что украинцы (не Новороссия) относятся к совершенно другому антропотипу.

С.С. Неретина: Видимо, он имел в виду государства?

А.В. Лубский: Нет, речь идёт о «восточных славянах». Я потом расскажу, что это оказалось мифом.

М.С. Константинов: Мне неизвестны подобные исследования.

В.А. Шкуратов: Хочу сделать ремарку о фреймах. Это просто модное словечко, я бы использовал традиционную лексику — *мифологема*. Вы показываете в своей презентации простейшие бинарные оппозиции: мужское-женское, чёрное-белое, сырое-варёное. Современная пропаганда, особенно российская, совершенно мифологизирована. Она предлагает потребителю простейшие оппозиции. Никакой рефлексии и перспективы в этой пропаганде нет. Массовая культура тоже предельно мифологизирована. Правда, украинские масс-медиа (я читаю и смотрю украинские русскоязычные масс-медиа «Украинская правда», «Укринформ» и т. д.) тоже сильно мифологизированы. Но в Украине существует одно важнейшее НО: в отличие от России, СМИ не монополизированы, они спорят между собой. Там происходят постоянные стычки между ними. Информационное пространство Украины дифференцировано. В отличие от России, там нет единого идеологического пресса государства. Там есть несколько властных центров, они всегда спорят между собой. Это даёт пространство мнений в переходный период к демократии.

М.С. Константинов: Однако при использовании термина *мифологема* возникают сложности применения теории ложного сознания к анализу идеологий. Тогда нужно показать, какое же сознание истинно. У меня нет фактов, на основании которых у меня возникли бы сомнения относительно того, что сейчас происходит на Украине. Если бы я сейчас назвал это *мифологемой*, мне сразу бы задали вопрос: а что же есть не мифологема? На каком основании вы считаете это мифами, а не реальностью? Что касается украинских СМИ, там тоже мифов хватает: под каждый кустом российский спецназ мерещится, десятки тысяч военных, танки, самолёты. Но там действительно нет единой информационной политики. В России политика в области СМИ более монолитная, за редким исключением («Новая газета», «Эхо Москвы», телеканал «Дождь»). Я не думаю, что всё сводится к влиянию власти или Кремля, хотя не исключаю этого. Мне кажется, здесь действуют рыночные причины: потребителю рассказывают о распятом мальчике, это вызывает шок и привлекает внимание.

В.А. Шкуратов: Но это же коммерческий ход.

М.С. Константинов: Да. Поэтому я не могу ответить на вопросы: какова роль Кремля, президента и т. д. Меня в данный момент занимает только вопрос освещения событий в медийном пространстве.

В.Ю. Попов: Информационная война похожа на грязную бомбу: когда она взрывается, то пачкает всех. Она вытесняет сложные и тонкие тропы, ряды и структуры мышления, которые формировались годами. Они заменяются суррогатами мышления, которые доводят до того, что невозможно общаться с людьми. То есть, коммуникация нарушена полностью. В стремлении к грязным бомбам создаются хранилища семян, из которых можно вырастить всё, что угодно. Думают ли правительства, когда создают грязные бомбы, а также те силы, которые их создают, где будет храниться чистое мышление, не загрязненное информационной войной, где люди способны мыслить более тонко, не в рамках этой войны? И что будет после войны, потому что любая война имеет определённые цели? А какие цели преследует информационная война? Этой концепцией сейчас прикрываются, в том числе в целях государственной безопасности: мол, идёт информационная война, и потому желательно не высказываться, хотя эти высказывания просто содержат более сложные способы мысли, не затронутые информационной войной.

В.П. Макаренко: Для меня этой проблемы не существует. После появления на телеэкранах Кашпировского, я не смотрю телевизор. С того момента мне окончательно стало ясно, что правительство наше сознательно оболванивает население. Поэтому я свободен от влияния СМИ.

С.С. Неретина: Вы не свободны, вы боитесь...

В.П. Макаренко: Интересно бы узнать, чего же я боюсь?

А.В. Лубский: Он телевизор не смотрит, он в интернете всё читает.

М.С. Константинов: Информацию ведь надо где-то получать. Что думают по этому поводу незримые кукловоды? — думаю, надо у них самих спрашивать. А передо мной — только факты медийной реальности. Есть ли российские войска на Украине? — Чтобы не стать участником информационной войны, я не могу делать никаких предположений. Я могу только дистанцироваться от этих предположений и рассматривать сообщения об этих событиях, как равноправные. Например, кто сбил малазийский «Боинг»? — Сегодня никто не знает точного ответа на этот вопрос. Нет, конечно, может быть, кто-то и знает (например, непосредственные участники). Но я не знаю ответа. Я знаю только те интерпретации событий, которые вбрасывались в медийное пространство украинских и российских СМИ, в том числе неудачный вброс об испанском диспетчере, ещё менее удачный вброс Михаила Леонтьева и т. д. Эти интерпретации должны рассматриваться как равноправные, чтобы не стать на позицию одной из сторон, иначе я сам стану участником информационной войны. Что касается термина «информационная война», он мне тоже не нравится, но другого я пока не подобрал.

А.В. Лубский: Хочу сделать комментарий. Наш младший коллега говорил о заботе наших правителей о девственном незамутненном сознании наших граждан. Может, такие мысли их и посещают, но для них главное другое. Я смотрел два телемоста между Донбассом и Киевом. Сидят в Донецке и Киеве представители разных социальных групп. Может их подобрали, но это не важно. Цель — наладить диалог между донецкой и киевской общественностью. Как вы думаете, чем это всё заканчивается? Это заканчивается коммунальной квартирой, где у каждого свои интересы, представления, как их ни успокаивают, они начинают ругаться. Если не прекратить, это закончилось бы мордобоем. Это к вопросу об информационных войнах.

М.С. Константинов: Было видео подобного «телемоста» (по Skype) представителей силовиков (Национальной гвардии Украины) с ополченцами вне контекста влияния власти. Оно было инициировано самими военными, которые запечатлели на видео свои переговоры. В конце этих переговоров по Скайпу они пришли к выводу, что цели у них почти одни и те же. И те, и другие с большим подозрением относятся к киевской власти.

А.В. Лубский: Этому есть объяснение: войны начинаются на энтузиазме, а заканчиваются на усталости. Тем и другим надоело воевать, но проблема в том, что остальные не воюют, им это ещё нравится.

В.А. Шкуратов: Но была семилетняя и тридцатилетняя война и т. д.

В.П. Макаренко: Разрешите маленький комментарий к тому, что говорил Вадим. Исследования Левада-Центра показывают, что в 1995 году российские СМИ могли самостоятельно говорить и трактовать события. Но абсолютное большинство журналистов уже в то время добровольно начало обслуживать власть. Массовая реакция журналистов состояла в добровольном обслуживании власти. На это мало обращают внимания.

В.А. Шкуратов: Что означает добровольность? Как сказал Ежи Лец, трудно определить, кто плывёт по течению добровольно.

В.П. Макаренко: Я ссылаюсь на конкретные социологические исследования. В противном случае Вы должны ставить вопрос: достоверны или нет социологические исследования Левада-Центра? Для ответа надо вникать в методологические споры. Но если Вы согласны, что социологические знания дают нам хотя бы приближенные знания о позиции тех или иных социальных ситуаций и групп, то мы должны попросту признать этот факт, и всё.

В.А. Шкуратов: Сейчас удивительно видеть, как благополучные и весьма обеспеченные джентльмены (вроде Владимира Соловьева), имевшие виллы в Швейцарии, они что — вполне добровольно обслуживают власть?

В.П. Макаренко: Это уже другое дело, я говорил о 1995 году. Недаром журналистику называют одной из древнейших профессий. В современной России уже более 10 лет существует эта традиция. Если посмотреть на российские законы о СМИ, то они являются вполне демократическими. А в реальной практике не соблюдаются.

А.В. Лубский: Виктор Павлович, вы хорошо знаете, что любой центр власти пытается прибрать СМИ к рукам, иначе он не может быть центром власти. Одно дело, что у нас один центр власти, а в Украине несколько центров власти.

С.С. Неретина: Понимаете, в СМИ есть ещё такой серьёзный фактор, как увольнение. Когда вам в месяц платят мою годовую зарплату, то сильно подумаешь, о чём будешь писать. Поэтому слово *добровольно* здесь не уместно.

А.В. Лубский: Видимо, подойдёт *добровольно-принудительно*.

С.С. Неретина: Вот-вот. Кажется, Альбац из *Нового времени* сообщила, что она хочет быть независима, и потому просит поддержать её журнал. Сегодня мы говорили много о войне, но существует треугольник «война-власть-деньги». Третью составляющую мы просто не учитываем. Есть статья у Татьяны Любимовой, которая как раз об этом пишет: война-власть и деньги. Деньги — это мёртвое время, которое непосредственно работает на войну.

Война по оси центр-периферия: цивилизационный дискурс

А.В. Лубский

А.В.Лубский: Эту тему я дал Виктору Павловичу три дня назад и имел смутное представление о том, что буду говорить. Как исследователь к этой теме я отношения не имею. Поэтому буду рассуждать как методолог. Как изучать эту проблематику? Её называют по-разному. Мы назовём: «в эпоху позднего модерна», которая бросает вызовы социальным и гуманитарным наукам. В предметном плане это вызов социальной сложности и неопределённости. В методологическом плане это вызов многообразием мультипарадигмальных и когнитивных практик. Возникает проблема методологического плюрализма, исследователь выбирает из многообразия оснований способ познавательной деятельности и работает в той или иной парадигме.

Вызов плюрализма состоит в том, что сегодняшние реальные проблемы становятся всё более глобальными, транснациональными. А в социальной науке социальные знания становятся фрагментарными, разбросанными по социальным квартирам. В социальном знании ускользает глобальный контекст и целостное восприятие. Утрачивается целостность, сложность и многомерность социальных явлений. Это всё касается и нашей сегодняшней темы, которую мы обсуждаем. Анализ показал, что исследователи пишут односторонне об этом конфликте. Целостному восприятию данного явления мешает фрагментарность и ангажированность исследовательского тона. Фрагментарное мышление базируется на одномерных мыслительных конструктах, не позволяющих изучать целостно серьёзную проблему войны в качестве сложной и многомерной реальности. Ангажированность познавательного духа учёных заключается в том, что дискурсы часто определяются не различием методологических предпочтений, а противостоянием разных идеологических оценочных суждений. Тем самым продолжается воспроизводство идеологически ангажированного знания. Преодоление множественности и ангажированности суждений о войне в системе «центр-периферия» — это одна из задач политической концептологии. Проблематика войны в системе «центр-периферия» актуализировалась политической концептологией в конце прошлого века в связи с военными конфликтами на Кавказе. Виктор Павлович одним из первых актуализировал эту проблематику в связи с событиями в Чечне. Актуализация этой проблематики в имперском дискурсе привела к теории центра-периферия. Во время распада империи на обломки государства становятся змеиным клубком интересов. Поэтому конфликт «центр-периферия» рассматривается как одна из колоссальных проблем, которую не может решить имперская власть. Такой вывод делает Виктор Павлович.

В.П. Макаренко: Это делаю не я, а Фернан Бродель.

А.В.Лубский: Он об этом писал на материале анализа отношений между Османской и Испанской империями в XVI–XVII вв., а Вы сейчас делаете такой вывод, значит, Вы с ним соглашаетесь. Идея понятна: распад империи порождает войну на периферии. В последнее время в изучении войны в системе «центр-периферия» стал популярным геопространственный подход. В рамках этого подхода объектом выступают не только те или иные регионы, но и пространство политической регионализации, которая сопровождается процессом интеграции интересов пространственных группировок. Эти группировки связаны со способностью региональной державы навязывать свою волю сопредельным странам, обладающим демографическим и политическим потенциалом, относительно мирными политическими и экономическими методами. Как правило, отношения определяются на неформальных основаниях, без формального договора, поэтому не ущемляется суверенитет каких-либо из стран.

Но нужно учесть, что определение участия региональной державы в такой интеграционной группировке противоречиво. С одной стороны, она заинтересована в превосходстве над сопредельными странами, но с другой стороны, постоянная поддержка такого превосходства может привести в этих странах к взрыву националистических настроений, пересмот-

ру своей политики и нахождению нового покровителя. А это уже вызов региональной державе, угроза национальным интересам, создание риска в отношениях «центр-периферия». Геопространственная парадигма бывает разной, в ней можно выделить несколько подходов. Я остановлюсь на трёх из них — геополитической, геоэкономической и геокультурной парадигмах. Насколько эти подходы применимы к войне на Украине?

Геополитика — это анахронизм, существующий в нескольких вариациях. В настоящее время геополитику определяют как форму политического проектирования. Она заключается в том, что геополитик рассматривает массу данных на географической карте для выдвижения им политического проекта. Как считают российские геополитики, такая геополитика возникла в США после окончания холодной войны для геополитического доминирования в мире с помощью мягкой силы. Поэтому сейчас надо говорить не только о геополитическом доминировании, но о гуманитарной интервенции. По мнению наших экспертов, в рамках этой парадигмы США продолжает действовать как единственная глобальная держава. Но это не только мнение наших экспертов.

Например, американский эксперт Дж. Фридман пишет о стратегических планах США в Европе: «Главные стратегические интересы США во время прошлого столетия между Первой и Второй мировыми войнами концентрировались на отношениях между Россией и Германией. Потому что, объединившись, эти две страны могут составить США жизненно важную угрозу. Наша главная задача была в том, чтобы не допустить их союза. Стратегия заключается в том, что США воздвигает санитарный кордон вокруг России, а Россия не знает об этом. Русские думают, что США хочет расчленить Россию, но США этого не хочет, а только слегка поранить и ослабить её. В любом случае мы вернулись к старой игре».

Что это за игра? Я напому тем, кто не изучал геополитику: её основу образуют учения о хартленде и римленде. Автор «Великой шахматной игры» Збигнев Бжезинский пишет, что американское могущество в Евразии должно положить конец амбициям других стран в отношении мирового господства. Геополитическая цель США — контроль над Евразией, позволяющий получить исключительную глобальную власть и не допустить появления нового геополитического соперника. Имперская тактика геополитических стратегий США заключается в следующем:

1. Предотвращение сговора между вассалами, сохранение их лояльности и недопущение объединения варваров.

2. Гуманизированная политика с позиции силы. США не планируют военизированной колонизации, они предлагают демократические ценности и права в евразийском континенте, а кто откажется от такого подарка, те могут получить его с помощью силы.

3. Геополитическая стратегия США в Евразии должна способствовать отделению стран СНГ от России и ускорять её собственный распад.

Другая стратегия этой геополитики называется тактикой анаконды. Раньше тактика анаконды пробовалась в южном подбрюшье России, теперь она двинулась на запад. Что это за тактика? — Создаётся цепочка саттелитов — Болгария, Украина, страны Прибалтии. Украина — это фактор, используемый для предотвращения создания оси Германия–Россия–Иран. Украина станет главным игроком в пространстве Евразии. Джордж Фридман пишет: вопрос, который стоит на повестке дня для русских, это то, что Украина станет буферной страной между Россией и странами НАТО, либо от России останется 100 км от Москвы на запад и 500 км на восток. Украина для России является жизненно важной страной, она не может просто так оставить Украину и уйти. Для США вопрос стоит так: если Россия начнёт бороться за Украину, то мы должны остановить Россию. Из этого следует сделать вывод, что события на Украине, есть место столкновения национальных интересов США и России.

Особняком находится позиция Европы, которая всеми способами пытается остановить эту войну. Напому, что писал Бжезинский: ситуация в Европе осложнилась, а Украина, которая находится в центре Европы, имеет важное значение. Имперские амбиции у России на-

растают, она постепенно пытается вернуть Украину в свой состав. Это опасно для США, потому что Россия механически становится империей. А это противоречит национальным интересам США. Дж. Фридман пишет: по этой причине США посылает войска быстрого реагирования в Болгарию, Румынию и Польшу, в междуморье — территорию между Балтийским и Чёрным морем. Термин междуморье зародился в XVII веке, но после Первой мировой войны об этом говорил Пилсудский. Фридман говорит, что этот проект для США предпочтительней. Иными словами, этот кордон нужен, чтобы Россию оторвать от Германии. Эта стратегия позволяет устранение нового геополитического игрока. США пытается создать буферную зону в лице Украины, США нужна слабая и нестабильная Украина. Вот так с точки зрения геополитических доктрин рассматривают ситуацию на Украине. Конфликт на Украине — это следствие столкновения национальных интересов США и России.

Теперь скажу о геоэкономической парадигме. Её актуализация в конфликте по оси центр-периферия была обусловлена новыми трактовками геоэкономики. Многие зарубежные аналитики считают, что с окончанием холодной войны окончилась эпоха геополитики. Многие аналитики подчёркивают, что геополитические противостояния решаются не с помощью военных, а геоэкономических столкновений. Впервые развёл понятия геополитики и геоэкономики американский дипломат Людвиг. Геополитика — это дело прошлое, а геоэкономика — это дело настоящее. Но вот в 1991 г. итальянский генерал опубликовал статью, в которой он связал методiku и стратегию геоэкономики с геостратегией как дело национального государства, которое выступает геоэкономической страной-системой. И вот для защиты своих национальных интересов геоэкономическая страна-система начинает геоэкономические войны на периферии для того, чтобы получить доступ к дополнительным ресурсам.

На одной из конференций, организованной французской нефтяной компанией Шелл, представитель президента сообщила, что её страна вложила в Украину с начала 1990-х гг. более 5 млрд. долларов. Так вот, исходя из геоэкономической парадигмы, США начинает конфликт на Украине для ослабления еврозоны и России. В середине 1990-х годов у нас даже не было такого понятия как национальный интерес, мы его заимствовали из США.

Третья парадигма геополитики называется геокультурной, а иногда геодивизиональной. В середине XX века мир был разделен на капиталистические и социалистические общества. В XXI веке мир разделён на 8 цивилизаций. Согласно этой концепции, цивилизации находятся в состоянии конфликта, а на периферии этих цивилизаций образуется зона тектонического разлома. Места разлома являются периферийными зонами в интерпретации Хантингтона. Место Черноморско-Каспийского региона является зоной Евразийской нестабильности, в которой будут проходить межэтнические конфликты — вдоль разлома между христианской и мусульманской цивилизацией.

Другой методологией анализа региона является концепция великого лимитрофа, предложенная Цымбурским. Понятие лимитрофа обозначает граница между геодивизионалами. Цымбурский утверждает, что великий межцивилизационный пояс (лимитроф) тянется от Прибалтики через Восточную Европу, Кавказ, Центральную Азию и Китай. В рамках этой концепции современная Украина является частью в поясе великого лимитрофа, где происходит столкновение геодивизионалов. Но не христианской и исламской, а западноевропейской и российской. Украина является периферией российской цивилизации, но не является периферией западноевропейской цивилизации. Это тот анклав, который стремится стать периферией западной Европы.

Связь сецессии с отчуждением общества и государства

Н.В. Гонтарь

Н.В. Гонтарь: Тема сецессии возникает вроде в контексте как войны, так и мира. Но я на войне останавливаться не буду. Говоря о сецессии как процессе, я имею в виду его связь с

проблемой отношения государства с подведомственным ему населением. В классической форме сецессия связана с выходом из состава государства. Этот термин возник в США во времена гражданской войны. Сейчас эта тема у нас не разрабатывается по известным причинам. Зато есть фундаментальная работа Бьюкенена «Сецессия — право на отделение, права человека и территориальная целостность государства». Существует институт, который занимается изучением проблем мирового сепаратизма и процессов самоопределения. Эта проблема находится на стыке политической географии и теоретической географии. Данный процесс как явление затрагивает страны, но касается и взаимоотношений государств. Он выражает отношение к государству как к машине, к механизму. В этом смысле решения, которые принимаются территориальными общностями, принимаются по поводу конкретного государства и его способности решать те или иные проблемы его устройства. Сразу оговорюсь, что проблема сецессии довольно широкая. Я не буду касаться её всей, потому что не хватит времени.

Начну с того, что есть две модели: сецессия по экономическим причинам, когда есть желание отделиться и жить в другом государстве; сецессия с преобладанием этнически-религиозных причин, когда экономика играет небольшую роль. Есть ещё несколько линий разделения. Я буду говорить о современной ситуации.

Сецессия была и в середине прошлого века, когда распадались колониальные империи, прежде всего Британская империя. Тогда из неё выделились Пакистан, Бангладеш, Сингапур. Здесь я не буду касаться исторических аспектов, поскольку там были другие обстоятельства.

Наконец, третья. Я преимущественно коснусь ситуации в центре, хотя есть и периферия, но там речь идёт о другой социально-политической ситуации. Как правило, это авторитарные или теократические режимы. Там сецессия возможна совершенно по другим законам, чем в странах так называемого «золотого миллиарда». При разговоре о сецессии как отношении общества с государством следует упомянуть несколько стратегий. Можно приспособлять государство к населению или население может приспособляться к государству. На последней конференции был высказан замечательный тезис: российское общество приспособляется к государству путём его игнорирования, живя параллельной жизнью. Есть вариант бегства от государства. В период освоения Сибири или Дикого поля, когда формировалось казачество, сецессия или бегство выливалось в построение границ, в качестве которых выступало само пространство. Оно становилось новой границей между беглецами, отделившимися группами, его просто физически невозможно было преодолеть. Так выглядела сецессия на пространствах Евразии. Сейчас это невозможно, всё пространство освоено и покрыто замкнутыми границами тех или иных государств. Сегодня сецессия — это процесс политического новообразования, то есть, построение новых политических границ.

При доминировании экономических причин сецессии возникают следующие закономерности. Прежде всего, речь идёт о территориях, которые желают отделиться, поскольку они являются более развитыми в экономическом плане, чем остальные территории страны. Примером может служить Каталония. Там прошёл декоративный референдум в конце прошлого года, не имевший силы действительного референдума. Каталония — это 16% населения Испании. Она производит 23% всей валовой продукции. То есть, это успешный регион. По валовому продукту на душу населения он занимает четвёртое место в Испании. Этот ВВП сопоставим с Финляндией, Данией и выше, чем у Ирландии. В душевом измерении это уровень примерно Германии, и он лучше, чем в Греции и Португалии. Так что это весьма успешный регион. Он успешен не за счёт туризма, а за счёт продвинутых промышленных отраслей — химической, автомобилестроения, фармацевтики и т. д.

Возьмём Квебек — франкоговорящую провинцию в Канаде, которая тоже желает повысить самостоятельность. Там есть партия, которая над этим работает. Есть также паритет покупательной способности на уровне сотни миллиардов долларов. Эта провинция производит 19% валового продукта, а её технологический экспорт составляет 45% от всего экспорта Канады. Шотландия тоже достаточно развита. Но там это не технологические отрасли, а нефте-

добыча. Основная масса налогов, которые уплачивает Шотландия — это нефтяные доходы. Отсюда вытекает мой первый тезис: в современных условиях о сецессии, прежде всего, заговаривают страны, которые видят экономические основания для своего независимого существования, имеют для этого прочную экономическую базу. Повышение благосостояния — главный тезис, который оправдывает такую стратегию. Общий лозунг — хватит кормить всю страну; мы сами можем быть более развитыми, чем неся на своем горбу ещё кого-то.

Образцом для таких тезисов является Шотландия, которая готовилась к референдуму. Там среди обоснований сецессии значилось повышение заработной платы, введение социальной заботы о маленьких детях со стороны государства; выдвигалось требование, чтобы фермеры получали деньги, выделяемые Евросоюзом для фермеров, которые Британия забирает себе. Самое интересное — этот процесс может быть идентифицирован на разных уровнях. Сама же Великобритания уже не в первый раз пригрозила выходом из Евросоюза. Эта история уже долго тянется. С того момента, когда обнаружилось, что Великобритания произвела на свет больше продукции, чем прогнозировали эксперты. В Евросоюзе собирается общий котёл на базе текущих экономических показателей каждого члена Евросоюза. Британия, получив большие экономические показатели, оказалась обязана доплатить два миллиона евро в общий котёл в Евросоюзе. Конечно, это не понравилось Британии. Таков был повод для очередного скандала.

Теперь о ситуации, когда сецессия вообще не возникает или её угроза минимальна, несмотря на существование партий, выдвигающих такое требование. Здесь в пример можно привести Аляску. По моим сведениям, она 90% своих нефтегазовых доходов оставляет себе. Более того, компании, которые приходят туда разрабатывать нефть, обязаны стимулировать экономическим образом местные сообщества и соблюдать жёсткие экологические требования. Здесь угроза выхода штата из состава США минимальна. А причина как раз в том, что здесь уровень распоряжения своими ресурсами качественно иной. При этом для типа с доминированием экономических причин характерно фактическое отсутствие этнического компонента. В США его практически нет вообще. В Европе есть, в Шотландии он подчёркивается, но на периферии внимания.

Что касается второго типа сецессии — по этническим и религиозным причинам. Здесь экономические вопросы тоже важны, но они не имеют такого значения. Там, где льётся кровь на основе религиозных или этнических распрей, не до экономики. Хотя экономическая база здесь тоже есть, но она выглядит иначе — как предполагаемая поддержка со стороны неких внешних факторов. Речь идёт о странах, которые готовы спонсировать, субсидировать под предлогом гуманитарных целей и предотвращения гуманитарных катастроф.

Теперь об идее, которая содержится в названии доклада. Причём здесь государство и отчуждение? На мой взгляд, экономические причины сецессии можно поместить в более широкий контекст проблемы взаимоотношения общества и государства. Здесь надо упомянуть классификацию отношений агрессора и населения, которую предложил Мюррей Ротбард. Под агрессором он понимает именно государство и фиксирует три возможных варианта агрессии государства по отношению к населению: одностороннее вмешательство, когда нечто запрещается всему населению; двухстороннее вмешательство, примером которого являются налоги — современная разновидность грабежа на большой дороге; трёхстороннее вмешательство, когда государство запрещает каким-то двум или более субъектам совершать те или иные действия. Речь идёт о регулировании торговли, цен, патентов, тарифов и т. д. Эти отношения могут характеризоваться как отношения отчуждения.

Есть ли альтернатива? — Я не отвечаю. Но сейчас ситуация такова, что отношения между государством и населением могут характеризоваться именно так. Демаркация или точка отсчёта в истории здесь есть. Она присутствовала в момент образования американского общества, которое базируется на постулате делегирования государству того, что люди не могут сделать сами. Мы собрались и считаем, что государство может более эффективно сделать то-

то и то-то, и именно это (а не то, что оно само устанавливает, даже не спрашивая население) мы ему делегируем. Сегодня ситуация совершенно другая. Доминирует бюрократия, которая сама формулирует цели и задачи для себя и для общества. На эту тему много сказано, в том числе Виктором Павловичем. Пирамида перевернулась.

Разумеется, под эти цели и задачи оно концентрирует ресурсы. Есть один нюанс. Не существует никаких логически обоснованных, доказанных, общепризнанных критериев того, что должно и не должно относиться к контролю государства. Отсюда следует важный вывод: сфера возможной узурпации государства не ограничена ничем, и количество ресурсов, которые государство может переключить на себя, тоже не ограничено ничем. Что касается следствий из этого вывода, то общая ситуация и порождает самые разнообразные линии отчуждения. Возникает невозможность формирования желаемых коллективных стратегий поведения и форм самоуправления. Не думаю, что житель, например, Московской области, если задать ему вопрос: такой дизайн муниципального управления создан по вашему лекалу? — ответит утвердительно. Он просто пожмёт плечами. Ведь у него нет контроля над ресурсами. Господствует ощущение непричастности к ключевым экономическим решениям.

Собственно, проблема экономической рецессии укладывается в качестве одного из пунктов в эту общую проблему. Данная проблема не является надуманной. Она является фактической. Общество не контролирует ключевые основы своей жизни. Мы не контролируем эмиссию денег. Самое интересное: мы не знаем, как деньги появляются в экономике. В подробностях мы этот процесс не опишем. Если мы скажем, что они печатаются на печатном станке, то это не так. На станке печатаются всего 5% денег. Как появляются в экономике остальные 95%? — неизвестно. Затем — никто в трезвом уме не станет накапливать долги. В США долги составляют 17 триллионов долларов. Мало того, что эта цифра невообразимая, она ещё и перекрывает с лихвой то, что производит экономика...

В.П. Макаренко: А соответствует ли она реальности?

Н.В. Гонтарь: Абсолютно.

В.Ю. Попов: Слово долг здесь имеет другое значение.

В.П. Макаренко: На основании каких критериев?

Н.В. Гонтарь: Это не критерии, это расписки, если у вас кредитный договор. Это не какие-то мнения, а казначейские облигации.

В.Ю. Попов: Только они занимают у своих граждан.

Н.В. Гонтарь: Это не внешний процесс, а процесс, который отражает факт: граждане не контролируют государство и не причастны к принимаемым решениям. Есть ещё один нюанс. Я оцениваю деятельность транснациональных корпораций в целом положительно. Но в ряде случаев они ведут себя, как им вздумается. И тоже могут осложнять ситуацию. К тому же возникающие проблемы граждане склонны перекладывать на плечи государства. Объективно это или нет? — не знаю, но это формирует ещё одну линию отчуждения. В ряде случаев возникают неформальные выборные процедуры. Короче говоря, даже в развитых странах демократические процедуры не обеспечивают подлинный контроль над ситуацией. Неясно, кто попадает в законодательные органы и отражены ли там какие-то интересы.

Об отсутствии в Шотландии контроля граждан над подконтрольными им их же ресурсами говорит факт: только в 2012 году был принят акт о Шотландии, согласно которому только с 2016 года парламент Шотландии получает возможность распоряжаться 23% федеральных налогов и на него же ляжет половина расходов. До этого ситуация была такова, что Шотландия располагала только 7% доходов и 30% расходов. За них она отвечала. Конечно, эти отчуждения могут формулироваться ангажировано, но в целом они имеют под собой реальные основания. И ведут к конкретному политическому процессу, формирующему тенденцию к рецессии.

Как это происходит? Вначале формируется ядро — Партия независимости Шотландии, Техаса, Квебека, Каталонии и т. д. Некая группа, которая начинает сбор информации о том,

что представляет собой альтернатива — сецессия, — какие экономические ресурсы могут её обеспечить, и распространяет эту информацию. Потому что, в принципе, эти страны опираются на процедуру референдума. Никакая партия в 1000 или даже 10 000 человек не решит судьбу такой ситуации. Нужна поддержка миллионов. Нужно распространение информации. Отсюда следует важный вывод: сецессия по такой модели невозможна в обществах, где запрещена или поставлена под контроль свободная деятельность партий, несмотря на формальную многопартийность. Сецессия по такой модели невозможна в ситуации контроля за распространением информации. В ходе сбора и распространения информации партии могут отбирать удобные для них факты, могут модулировать факты, о чем-то умалчивать, не отражать полную ситуацию, поскольку ситуация всегда сложна. Она никогда не является простой. Я не говорю, плохо это или хорошо. Просто это так.

Наконец, формируется дискурс о несправедливости присвоения. Бьюкенен об этом тоже говорил. То есть, наши ресурсы кто-то несправедливо перераспределяет. Всё это является основой для подготовки процесса сецессии. Эти основные положения позволяют оценить текущую ситуацию сецессии и сказать, насколько она адекватна современному этапу мирового развития. Сегодня сецессия по этому типу предполагает в случае своей удачной реализации построение неких границ. Вы не можете просто куда-то уйти, вы должны построить границу. Будет она формальной или неформальной? — иной вопрос, но вы должны построить границу. Более или менее широким примером такого рода было разъединение советских республик. Каждая из них стала строить свои границы, возвела таможи, которые в Европе уже снесли, а у нас их только возвели. Это всё в контексте утверждения некой «инаковости» России. Построения такой новой общности, которая должна символизировать сам процесс независимости. Сам процесс возведения барьеров призван обозначить независимость. Он в корне противоречит тому, что сегодня позволяет достигать успехов в условиях глобализации. Ключевые ресурсы глобализации — это потоки знаний, информации, инноваций, капиталов, труда, квалифицированных кадров. Замыкание и построение границ бьёт по этой эффективности, и отодвигает перспективы возникших государств.

Вторая, более фундаментальная проблема — подмена такой стратегией коренной проблемы, которая подлежит решению. Нам кажется, что если мы отделимся от того или иного государства, которое узурпирует наши финансы, не даёт нам ими распоряжаться, то мы решим все свои проблемы. Но подмена состоит в том, что государство, от которого пришлось отделиться, заменяется новым государством. А свойства и качества нового государства, начиная с эмиссии и заканчивая построением отношений с подданными, никаким образом не меняются. Поэтому попытка выйти из-под контроля ведёт к тому, что на новом уровне формируется та же ситуация. Смягчить проблему может передача экономических полномочий на места, передача бюджетов, экономических ресурсов, самоуправление в экономическом смысле. Часть проблемы это может решить. Сегодня эта стратегия используется и называется заливанием деньгами. Мы это видим на примере как наших соседних территорий, так и на примере той же Шотландии, которой тут же были обещаны некие преференции, большее распоряжение своими доходами. Иногда можно подумать, что именно это является целью таких движений. На самом деле, нет.

Есть коренной вопрос, который не решается в ходе такого процесса, но именно он является его глубинной основой. Это вопрос добровольности или недобровольности делегирования тех или иных полномочий. Сегодня о такой добровольности в модели современных государств даже не приходится говорить. Даже выборные процедуры часто носят формальный характер. В принципе, отчуждение по самому широкому кругу линий, которые определяют самые важные аспекты жизни, сохраняется. И никакая сецессия, помимо того что она противоречит экономическим закономерностям, которые обеспечивают сегодня успех, не обеспечивает той смены качества, которая и является глубинной целью этих движений и не может обеспечить устойчивость ситуации. Никто не скажет, что есть основания для отделения Ката-

лонии, но нет оснований для отделения департамента в рамках Каталонии. И так далее. Никаких твёрдых общепринятых рамок, когда этот процесс должен закончиться, нет и не будет. Потому что вопрос экономический укладывается в более широкий контекст. Отчуждение государства от общества — вот основная проблема сецессии, которая не решается силой.

А.В. Лубский: Ваш главный тезис — экономика есть основная причина сецессии. В результате определённых экономических решений возникает чувство социальной несправедливости. А вот, например, в Германии Северный Рейн-Вестфалия — крупный индустриальный район. Но там нет чувства экономической и социальной несправедливости. Или возьмём Саксонию. Там жизненный уровень ниже, чем в остальной Германии. Но они не помышляют ни о каких сецессиях. Нет ли кроме экономических причин также культурно-этнических причин сецессии, как в той же Каталонии или Шотландии? Или всё дело в экономике? Второй вопрос такой: регионализация в Европе идёт на трёх уровнях. Наиболее известен высший уровень — Евросоюз. Низший — внутри отдельных стран. Но есть средний (о котором мы говорим мало), когда объединяются регионы сопредельных стран. Созданы специальные организации международного типа — Совет Европы регионов, Европа регионов. А там какие причины?

Н.В. Гонтарь: По поводу Германии это хороший вопрос, потому что он целиком укладывается в развиваемую мной концепцию. Германия — это подлинная федерация. Федеральные земли имеют свои парламенты и наделены широкими полномочиями. Она на самом деле распоряжается своими средствами и имеет широкие возможности для организации собственной жизни. Германия находится на особом положении в ЕС. Это позволило ей получать большое преимущество в плане экспорта. Когда возникли с проблемы с Грецией, один из сценариев предполагал выход Германии из ЕС — под лозунгом «Хватит кормить Грецию и остальных». Но этот сценарий был блокирован самой Германией.

Теперь по поводу регионализации в рамках Евро-регионов. Действительно, это хороший опыт, тоже вписывается в концепцию, о которой я говорю. Этот опыт стимулирует местные инициативы. Он даёт в руки местным сообществам ресурсы развития, они повышают свою самостоятельность, в том числе свой статус в системе принятия решений. Но это совсем не то же, что регионы на границах Украины, Прибалтики, Белоруссии. Там они играют роль сдерживающих регионов, чтобы население не хлынуло в Европу. Несколько улучшая жизнь на этих рубежах. Это другая проблема. Она относится к уменьшению контраста жизни на границах.

В.Ю. Попов: Александр Эткинд написал предисловие к книге «Экология Разума» Бейтсона. Он пишет, что целые науки (в том числе семиотика), «логически связаны с идеей большого правительства». А с какой идеей связана концепция сецессии, которую Вы осветили? Она больше служит идее сохранения национальных государств в политических границах или же идее развития глобализационных процессов, процессов проникновения через границы капитала, рабочей силы, информационных ресурсов и так далее? Потому что слово *сецессия* в русском употреблении редкое, а слово *сепаратизм* имеет негативные коннотации. Нельзя ли слово *сецессия* нагрузить какими-то новыми оттенками для использования его в современных контекстах?

Н.В. Гонтарь: Да, действительно, в русском контексте *сецессия* более нейтральный термин, поскольку с *сепаратизмом* все борются. Но экономические основания для выводов или решений всегда более или менее туманны, а для широкой аудитории они максимально туманны. Потому что никто не может их строго сформулировать до начала процессов накопления и распространения информации. Никто не может сформулировать чётких критериев «за» или «против» сецессии. Аналитики рассматривают этот вопрос с точки зрения «выгодно» или «невыгодно», с точки зрения неких рациональных основ устройства жизни. Разумеется, этот процесс всегда включает политические аспекты. Потому что речь идёт именно о политических границах, поэтому сецессия никогда не ограничивается экономикой. Любая проблема по-разному видится людям, которые состоят в местных организациях и в центральных прави-

тельствах. Каждый придаёт ей ту интонацию, которую он считает нужным ей придать. Поэтому никаких общих выводов по поводу сецессии сделать нельзя. Всегда можно будет найти две, три, четыре, пять точек зрения, которые будут полностью противоречить друг другу.

А.В. Лубский: В Шотландии с XIII-го века постоянно обсуждается вопрос о сецессии. Короли пытались её интегрировать, шотландцы пытались отделиться. Но вопрос шёл не о полном отделении, а о сохранении своей культурно-исторической самобытности. Короли то давали, то отнимали свободу культурного развития Шотландии. Постоянно шла борьба вокруг культурно-исторической самобытности Шотландии. Возможно, что сейчас Вы и правы — вопрос лежит больше в экономической плоскости. Но с точки зрения исторической традиции, шла борьба по поводу культурно-исторической самобытности Шотландии.

В.А. Шкуратов: Простите, до унии Шотландия была независимым государством. И объединилась с Англией, когда на английский престол вошёл шотландский король. В Шотландии он был Иаковом шестым, а в Англии Иаковом первым.

Но я по поводу сецессии скажу. Это для нас он нейтральный термин. Что касается США, то сецессией назывался акт отделения южноамериканских штатов от общего государства в 1861 году. И там, кстати, был конституционный прецедент. Потому что президентом был избран Авраам Линкольн, а южные штаты за него не голосовали. Поэтому они на своих конституционных основаниях заявили, что это не наш президент.

А.В. Лубский: Здесь есть параллель с историей Российской империи. В 1917 г. Украина воспользовалась правом на самоопределение. Но украинские федералисты поддержали идею русского царя: независимая Украина — это выдумка немцев.

В.А. Шкуратов: Центральная рада не поддерживала независимость Украины

А.В. Лубский: Но я говорю об американцах. Только в конце 1950-х годов был принят закон о порабощённых нациях. И туда впервые включили Украину под номером 4. Но на самом деле США резко отрицательно относились долгое время к отделению Украины от России.

В.А. Шкуратов: Фландрия, Каталония, Шотландия — это интересно, но у нас случай двух сецессий — Донецкая народная республика и Луганская народная республика. Там совершенный тупик сейчас. Что бы вы им посоветовали?

Н.В. Гонтарь: Вы хотите, чтобы я им что-то посоветовал?

В.П. Макаренко: Построить и забор и отделиться и от Украины, и от России одновременно...

А.В. Лубский: В период организации национальных государств национальные сообщества начинают почему-то воспринимать себя как центр мира, от которого надо отгородиться, построить границы, выкопать канаву и так далее...

Н.В. Гонтарь: В контексте того, что я уже говорил, могу сказать: уровень самообеспечения и управления своими ресурсами буквально для физического выживания на территории и Луганской и Донецкой областей не просто на порядок ниже, чем был даже год назад, он сейчас равен почти нулю. На мой взгляд, очень печально, что такая мощная держава как Россия допустила на своих границах такое развитие событий. Встаёт вопрос: всегда ли Россия может обеспечить мир у своих границ?

Религиозные корни сепаратизма

В.П. Макаренко

В.П. Макаренко: Основное содержание моего сообщения на тему «Распад и воспроизводство империй как когнитивно-политическая проблема» уже опубликовано [Макаренко 2003–2004]. Его суть состоит в описании того, что бюрократические стандарты деятельности и мышления продолжают действовать в кризисных обстоятельствах распада советской империи, а также в условиях современной России. Различные ведомства, включённые в иницииро-

вание, развязывание и трансляцию центрo-периферийной войны не рефлектируют в отношении проблемы бесплодности и устарелости данных стандартов и не только их транслируют, но и усиливают. Но сейчас я об этом говорить не буду. Николай Владимирович поставил проблему сецессии и дал эмпирический материал для её обсуждения. В этой связи я сошлюсь на свою статью десятилетней давности [Макаренко 2006], которая, видимо, тоже не устарела. Судить об этом можно по двум фактам: на неё была реакция в журналах «Мировая экономика и международные отношения» и «Новое литературное обозрение»; дискуссии на нашем круглом столе. Разумеется, я сейчас не успею рассказать всё, но один фрагмент попытаюсь проговорить внятно, поскольку он всплыл в нашей дискуссии. Одновременно я попытаюсь показать Светлане Сергеевне на конкретном примере, что я имею в виду, когда пишу и говорю о политической концептологии.

В книге «Политическая концептология: обзор повестки дня» я проанализировал множество концептов, в том числе концепт сецессии. Проблема в следующем: каково отношение между сепаратизмом, автономизмом и государственным суверенитетом? В нашем обсуждении она тоже возникла. При ответе я опирался на аналитические исследования 1980–1990-х годов, которые в нашей литературе известны мало. Исходный пункт таков: один из главных постулатов аналитической философии состоит в идее спорности (оспариваемости) всех политических понятий. Вот и сейчас Николай Владимирович при ответе на вопрос сказал: есть одна и другая позиция, но наверняка мы можем обнаружить ещё пять, которые не вписываются в схемы обсуждения любых проблем. Какова практическая реализация этого принципа?

Я пошёл по направлению критики бытующих определений. В типичном словаре политического языка сепаратизм определяется как отделение или обособление части государства и создание нового государства. Автономия определяется тройко: как самоуправление территориально-национальными образованиями в пределах единого государства; как административно-территориальная единица; как право на самоуправление в деятельности каких-либо органов. Суверенитет означает независимость, самостоятельность, верховенство и единовластие.

Сами по себе эти определения сомнений или возражений не вызывают. Но и не отражают специфику аналитического подхода к указанным феноменам и отношениям между ними. Для дистанцирования от этих определений — концепт дистанции в политической концептологии является исходным — я хотел бы обратить внимание на религиозные корни сепаратизма, на которые мало обращают или совсем не обращают внимания в нашей литературе. Приведу некоторые факты.

Христианство на протяжении своей истории раскололось на католицизм, православие и протестантизм. За 2000 лет существования христианства возникло 66 общехристианских сект и ересей (включая 45 толков), 9 католических сект, 27 протестантских сект и ересей (33 толка), 2 старообрядческих (62 толка) и 30 никонианских сект (90 толков). Все они противостояли официальным церквям и претендовали на особый статус. Но есть и существенные различия между западным и восточным христианством.

Главный признак западного христианства — доктринальные расхождения с официальной церковью. В западном христианстве идея полного отделения церкви от государства первоначально высказана в донатизме, а сепаратизм начал складываться среди английских пуритан. Они отвергали любое соглашение с Ватиканом и предлагали создать чисто протестантскую церковь. Но в Англии и на европейском континенте для этого не было условий. Поэтому пионеры современного сепаратизма (*отцы-пилигримы США*) отправились в Северную Америку и занялись практическим воплощением радикальных для своего времени идей: поскольку обратиться к другим в свою (истинную) веру крайне трудно, никакая официальная религия не нужна; единственный способ мирного сосуществования людей — полная свобода вероисповедания; отношения конфессий регулируются словесным договором, который стоит выше писаного закона; женщины имеют полную свободу, включая свободу отрицания любой

религии и церкви; метрополия не является хозяином колонизируемой территории; колонисты обязаны покупать землю у аборигенов-индейцев и относиться к ним по принципу равенства; всякая колониальная война — зло. Эти идеи стали основой самоуправления английских колоний и подготовили полное отделение США от метрополии [Азимов 2003: 135–148].

Главный признак восточного христианства — провозглашение симфонии между церковью и государством. Зато православные ереси и секты в старообрядческой и никонианской версиях последовательно отрицают государство. Это отрицание выразилось в следующих положениях: высшие лица государства, госаппарат и государство в целом — это *слуги Дьявола и воплощение Антихриста*; официальная церковь есть *блудница и невеста Сатаны*, из чего следует отрицание таинств и икон, соблюдение строгого поста; требование децентрализации церкви; отрицание насилия, отказ от военной (ношения и применения оружия, квалификация военной присяги как идолопоклонства) и государственной службы; отрицание флагов, паспортов, денег и других предметов с изображением государственного герба; отказ выполнять распоряжения светской власти (платить налоги, подвергаться суду, выполнять гражданские функции, повинности и обязанности); квалификация торговли, банковских и финансовых операций как несправедливого труда; борьба против любой неправды (защита угнетённых, грабёж и убийство богатых); образование этноконфессиональных групп на основе отрицания церковного брака и заключения браков внутри конфессии; книжная проповедь для всех верующих, а не только для клира; отказ от пользования электроаппаратурой; противодействие власти (теракты, поджоги, взрывы); утверждение братства всех людей; переход на нелегальное положение. Правда, в советское время большинство православных сект, как и РПЦ, были пронизаны сотрудниками спецслужб, и считали Ленина новым святым [Таевский 2003].

Отсюда вытекает промежуточный вывод: сепаратизм и автономизм возникают как реакция верующих на реализацию определённых принципов церковной политики. В частности, европейский сепаратизм XIX–XX вв. направлялся против империй, которые стремились сохранить единство светской и духовной власти (Оттоманской, Австро-Венгерской, Российской). Сепаратизм разрушал это единство и способствовал появлению новых государств. По мере распада империй сепаратистские движения распространялись в разных регионах — от Хорватии и Квебека до Средней Азии и Кавказа. После распада СССР страны Балтии восстановили статус независимых государств. Россия, Украина и Белоруссия тоже декларировали суверенитет, но сразу после его обретения создали СНГ — новую форму ограничения суверенитета, согласно которой его члены обязуются координировать внешнеполитическую, экономическую, таможенную, коммуникационную, экологическую, миграционную политику и борьбу с организованной преступностью [Новейшая история... 2000: 500].

В современном политическом языке бытует убеждение: сепаратизм подрывает суверенитет государств. Мера истинности данного убеждения может быть установлена на основе сравнения с автономизмом — самоуправлением групп и регионов внутри государств. В XX в. на уровне ООН возникло движение в защиту прав коренных народов, которое объединяет малые народы Северной, Центральной и Южной Америки, Юго-Восточной Азии, стран экватора и Гавайев. Автономизм существует и внутри государств — среди фламандцев Бельгии, шотландцев Великобритании, жителей Сибири и т. д. Все они взамен суверенитета требуют самостоятельности внутри государства.

Итак, общее свойство сепаратизма и автономизма — оперирование понятием *суверенитета* как верховной власти государства, которая включает внутренний (приоритет государства в решении всех вопросов внутри границ) и внешний (приоритет государства в отношениях с другими государствами вне границ) суверенитет [McCallun 1987: 36–46]. Государство обладает правом на территориальную целостность, контроль границ, заключение экономических и военно-политических договоров и союзов с другими государствами. Но ни одно государство не является полностью суверенным. Его суверенитет ограничен международным правом, главный принцип которого — каждое государство признает нерушимость террито-

рии других государств. Часть современных государств признают, что внутренний суверенитет ограничивает права человека, установленные международным правом. Не менее того внутренний суверенитет ограничивается автономизмом, в состав которого входят права меньшинств на пользование своим языком, ношение традиционной одежды, коллективную собственность, внутреннее самоуправление, участие в принятии решений об использовании природных ресурсов территории, на которой проживает данная группа.

Значит, традиционное понятие суверенитета как независимости, самостоятельности, верховенства и единовластия государства спорно, подобно другим понятиям политического языка [Ильин 1997: 22–24].

В отличие от сепаратизма автономизм не требует полного отделения, а только *сдвига прерогатив* внутри государства. Но если государство признает самоопределение групп в рамках границ, оно тем самым ограничивает свой суверенитет: «Современное государство — это политическая власть, которая присвоила себе исключительное право распоряжения всей территорией внутри государственных границ. При согласии с таким определением право самоопределения меньшинств превращает государство в политическую машину, не удовлетворяющую критериям суверенного государства. Например, право американских индейцев признает их право на самоуправление, использует термин *индейская нация* и всё более напоминает международное право» [Williams 1990: 103].

Итак, если сепаратизм только угрожает мифу о неизменности государств, то автономизм прямо направлен против суверенитета. Сецессии не подрывают современный международный порядок, согласно которому отношения суверенных государств регулируются международным правом. Победа автономизма приведёт к тому, что суверенное государство станет исключением, а не правилом миропорядка. Однако проблема сепаратизма разрешима в рамках существующей структуры международного права и международных отношений. Сепаратизм — это граница на шкале борьбы групп за самостоятельность внутри государств и крайняя реакция на межгрупповые конфликты. Поэтому анализ аргументов *за* и *против* отделения позволяет систематизировать проблемы групповых конфликтов, включая моральное оправдание сепаратизма.

В заключение скажу, что под таким углом зрения можно анализировать процессы на постсоветском пространстве. У меня задача стоит показать, что политическая концептология фиксирует спорность и в этом смысле вполне удовлетворяет требованию диалогичности или как Вы (*обращаясь к С.С. Неретиной*) называете — живости концепта.

А.В. Лубский: Виктор Павлович, твоя концептология к теории концептов никакого отношения не имеет.

В.П. Макаренко: Я знаю. Теория концептов тяготеет к филологии.

С.С. Неретина: Если теорию концептов понять как филологию — тогда да, ради Бога. Но то, о чем я говорю, даже рядом не стоит с филологией. Вот что самое интересное.

В.П. Макаренко: Ну, хорошо.

С.С. Неретина: Не хорошо. Я считаю это оскорблением.

В.П. Макаренко: Ни в коем случае, Светлана Сергеевна. Я к филологическим штудиям концептов тоже отношусь *cum grano salis*. Филологи издают целые словари концептов.

С.С. Неретина: Почему же филологи? Хайдеггер тоже на этом основывается.

В.П. Макаренко: Про Хайдеггера нужен особый разговор. Я не буду сейчас нырять в его замысловатую философию. Тут надо быть человеком ранга В.В. Библихина.

С.С. Неретина: Честно говоря, мы только этим и занимаемся. Библихин — чистый философ. Высочайшего класса.

В.П. Макаренко: По крайней мере, есть предмет для дискуссии на тему о соотношении филологического и философского понимания концептов.

А.В. Лубский: Светлана Сергеевна, у Виктора Павловича концептология — это не наука оперирования концептами. Это скорее теория создания концепций. К концептам она отношения не имеет.

С.С. Неретина: Так я же это и сказала.

А.В. Лубский: У Макаренко речь идёт о системе логически непротиворечивого знания. А у Вас концепт появляется тогда, когда, как Вы говорите, не хватает слов. Русская власть у него — это концепт. Он не нашёл ничего подходящего, чтобы выразить её суть, и назвал это концептом.

В.П. Макаренко: Это очень хорошо, что Вы меня критикуете. Я рано или поздно это учитываю. Я попытался показать на конкретных примерах, что концепты сецессии и автономизма имеют сегодня непосредственный выход в практику. А по поводу методологических вещей мы можем спорить бесконечно. Это наши цеховые споры.

С.С. Неретина: Это не методологические вещи. Это самое существо. Это как раз связано с тем самым броском вперёд, в котором нет примера. А Вы мне говорите, что я Вам сейчас приведу примеры.

В.П. Макаренко: Какие?

С.С. Неретина: (*смеётся*) В том-то всё и дело...

А.В. Лубский: У концептов нет примера...

В.Ю. Попов: А можно вопрос по этой дискуссии задать Светлане Сергеевне? Если мы говорим о концепте как о только что появившемся. Когда мы только-только попытались что-то вербализовать. Значит, мы что-то чувствуем, но ещё не знаем, как это назвать. И вот тут мы придумываем на ходу как бы некое название, которое уже вызывает пространство некоего осмысления этой реальности. Грубо говоря, мы вербально показываем пальцем на что-то.

С.С. Неретина: Конечно.

В.Ю. Попов: И говорим: видишь?

В.П. Макаренко: Светлана Сергеевна об этом как раз пишет. Она называет это актом схватывания...

С.С. Неретина (*с улыбкой в сторону В.П. Макаренко*): Я, но не Вы.

В.Ю. Попов: Но я хочу сказать как читатель. Когда я читал Вашу статью, опубликованную в одном из первых номеров «Политической концептологии», она действительно позволяла мне лучше понимать тексты Виктора Павловича, когда я их читал. Почему? Потому что, если Виктор Павлович пишет, например, что что-то противоречит идее общего блага, то читатель неподготовленный может подумать, что Виктор Павлович является сторонником идеи общего блага. Но ведь это не так. Он просто показывает, что существуют слабые основания любых интеллектуальных конструкций

В.П. Макаренко: Это называется спорность...

В.Ю. Попов: Он эти слабые основания вытаскивает на свет и создаёт полемику даже ему не близких понятий. В этом смысле он создаёт другое понимание уже существующих, сложившихся фразеологических единиц.

С.С. Неретина: Есть вещи, которые можно выдумать. А есть вещи... В данном случае Вы сейчас какие-то вещи выдумали за Виктора Павловича.

В.Ю. Попов: Прошу прощения, что я в его присутствии это говорю, но пусть он меня простит.

С.С. Неретина: По одной простой причине: чтобы спорить об общем благе, нужно знать, что я имею в виду. Это старое онтологическое доказательство Ансельма Кентерберийского: если я что-то отрицаю, я должен знать что я отрицаю. Если мы проблематизируем общее благо, надо знать, что это означает.

В.Ю. Попов: Это я как пример привёл.

С.С. Неретина: Пример этот, мне кажется, не самый удачный. Это просто некая выдумка. В данном случае, когда мы говорим «концепт», это действительно как некий вирус. Вот начало вашего разговора было гораздо более существенно, чем конец.

В.Ю. Попов: Концепт потом застывает и действует уже в каком-то другом ключе.

С.С. Неретина: Концепт может вообще не разродиться ни в какое понятие.

В.Ю. Попов: А если это с ним произошло?

С.С. Неретина: А если это с ним произошло, мы будем работать с ним как с понятием.

В.Ю. Попов: И всё? Значит, ничего промежуточного не бывает? Вы стоите на этом?

С.С. Неретина: Он станет концептом только тогда, когда мы скажем: нет, это не совсем так. И давайте-ка разберём, что это такое? Когда вещь у меня будет рождаться на глазах, когда при разговоре с Вами я буду видеть, как у меня рождается между Вами и нами какая-то вещь.

В.Ю. Попов: А если мы всё время находимся в ситуации переосмысления? Чтобы не быть в плену языка, не быть в плену понятий?

С.С. Неретина: Насчёт плена языка: у меня впечатление, что это тоже некая выдумка. У нас с Вами нет другого механизма, кроме разговора. Как известно, критика логоцентризма придумана Деррида. На мой взгляд, это сыграло не самую позитивную роль в философии. Это сыграло на антирационализм значительно в большей степени чем на то, чем знаменита вообще философия — своей рациональностью.

В.А. Шкуратов: Тогда ваша концептология...

С.С. Неретина: У меня нет концептологии!

В.А. Шкуратов: Так это Гадамер? Язык, сам себя рождающий?

С.С. Неретина: Конечно. Из самого себя рождающий и толкующий.

В.П. Макаренко: Скажите мне по поводу Гадамера — кто переводил эту книжку? Её же невозможно читать.

С.П. Поцелуев: В. Малахов в своё время писал об этом в «Вопросах философии». Он критиковал перевод.

В.П. Макаренко: Я не знаю, что Малахов писал по поводу перевода Гадамера. Зато Малахова давно знаю. Он трудовой парень. Я отлично помню, как он день и ночь корпел над переводами в общежитии на Островитянова. Поэтому я доверяю его мнению и на основе своего опыта читателя говорю: читать перевод «Истины и метода» невозможно. Это сознательное оглупление автора.

С.С. Неретина: Насчёт переводов я бы лично вообще не стала высказываться.

В.А. Шкуратов: Там скверное предисловие.

В.П. Макаренко: Конечно, лучше в оригинале читать.

С.С. Неретина: Я про другое. В тех же «Вопросах философии» писали о плохом переводе Библихина. После первого перевода обычно говорят: второй перевод лучше первого. Да второй перевод потому и второй, что он уже после первого. То есть, первый перевод даёт тебе возможность какой-то понятийной платформы. Я против неё или за неё. Но я уже нахожусь с нею в реальном контакте. Я могу просто рассказать о своем опыте перевода «Истории моих бедствий» Абеяра. Первый перевод был сделан в XVII веке. Он был совсем другим. И там нужно было ещё пробираться через язык. Но я беру последний перевод 1957-го года, который, по-моему, блестяще сделан. Когда я его смотрела, то не нашла там ни одной грамматической ошибки. Ведь зачастую грамматическая ошибка возникает не от того, что плохой переводчик. А от того, что иногда не можешь справиться с текстом. И ты начинаешь вольно или невольно подставлять какую-то свою конструкцию. А в переводе 1957 года я не нашла ни одной ошибки. Но у меня была точная задача — лишить перевод романтического флёра. Потому что никакой романтики в XII веке не было. Как я считаю, мне это удалось за счёт одного маленького приёмчика. Я передала географические понятия так, как они были написаны. Это вообще изменило всё. Мы как будто попали в другое место — вместо известного нам Парижа

в некий Паризиус. И как будто все эти места окрасились иначе. Вы действуете в них иначе, и всё такое прочее. Поэтому второй перевод — он всегда второй. Может он даже лучше, но всё равно второй. Первый перевод задаёт какую-то определённую возможность оперировать с самим текстом. Никто не переводит «Бытие и время», хотя все мы понимаем, что «Бытие и время» запоздало. И не просто запоздало. Я волею судьбы писала работу об Александре Павловиче Огурцове, потому что готовлю книжку о нём. Я его знала с 1968-го года. Я его узнала уже очень знаменитым человеком в Москве. Скажешь — «Огурцов» — и все широко раскрывают глаза. По причине его статьи «Отчуждение» в первом издании советской «Философской энциклопедии». Я — не марксист и никогда не была марксистом. Никогда ничего об этом не писала. У нас всегда с ним были такие весёлые стычки. Я ему говорила: «Я делала то же самое, что ты, но меня ниоткуда не исключали. В том числе из партии, потому что я там не была. А тебя исключили. Ты числишься одним из самых гонимых». И я решилась, наконец, прочитать эту статью. Так бы я, конечно, в жизни никогда бы не стала читать статью «Отчуждение».

В.Ю. Попов: Отчуждение — это понятие или концепт?

С.С. Неретина: Понятие.

В.Ю. Попов: А мы можем на него посмотреть как на концепт?

С.С. Неретина: Да. Рядом возникло понятие остранение. В 1960-е годы начали заново печатать и переводить Шкловского. Остранение — термин Шкловского, возникший в 1915 году. Более того, когда Брехт воспользовался идеей остранения, он перевёл остранение на немецкий язык как отчуждение. Вот и возник концепт. Вот он где возник. На выходе один термин, на входе два совершенно разных. И я стала читать эту статью. И поняла, почему эта статья стала визитной карточкой Александра Павловича. И после его смерти мне пришлось соболезнование из Казахстана, в котором пишут: «Мы помним статью „Отчуждение“». Столько лет прошло — а они всё помнят.

В.П. Макаренко: Конечно, это поворотная статья. Я её штудировал со студенческих лет.

А.В. Лубский: После этой статьи поняли, что неправильно говорить «отчуждение от».

С.С. Неретина: Там дано сравнение Бердяева и Хайдеггера, на что никто не обратил внимания. Мы считаем, что Хайдеггер у нас работает с 1993-го года, после перевода Александра Викторовича Михайлова «Избранное». А на то, что сделали в 1960-е годы Огурцов, а рядом стояла Пиама Гайденко — это даже не упоминается в библиографии.

В.Ю. Попов: Может быть, потому, что это издавалось для спецхранов. Как со «Словами и вещами» Фуко.

С.С. Неретина: Как? Я её издавала.

В.Ю. Попов: Но её нет в официальной библиографии Фуко на русском.

С.С. Неретина: Я её издавала. Но наших фамилий там нет. Нас выгнали к тому времени.

В.Ю. Попов: У меня эта книга есть, но в библиографии я не видел указаний на неё.

С.С. Неретина: Я привожу вам пример пространства между переводами Хайдеггер-А и Хайдеггер-Б, которые образовали концепт перевода. У меня впечатление, что перевод «Das man» у Огурцова интереснее, чем у Бибикина. Здесь появляется как раз пространство простора, в котором мы начинаем работать. Аверинцев всегда говорил: «Надо знать несколько переводов». Потому что несколько переводов создают просторный контекст для понимания. Одно и то же слово «понимание» содержит совершенно разные семантические и грамматические корни.

В.Ю. Попов: А когда произошло разделение на объект и предмет? От студентов часто требуют определить и то и другое.

С.С. Неретина: Я иногда смотрю, что требуют от студентов; я бы, наверное, только двойки получала. Это Ломоносов перевёл слово объект как предмет.

А.В. Лубский: Объект за окном, а предмет в голове.

С.С. Неретина: «Объект» означает вообще «возражение».

В.П. Макаренко: На этом разрешите закончить, поблагодарить докладчиков и присутствующих.

Азимов А. 2003. *Освоение Северной Америки*. — М.: БСГ-Пресс.

Венцлова Т. 2015. *Пограничье: публицистика разных лет*. — СПб.: Изд. Ивана Лимбаха.

Зиновьев А.А. 2000. *Собрание сочинений в 10 т. Т. 5: Гомо советикус*. — М.: Центрполиграф.

Ильин М.В. 1997. *Слова и смыслы: опыт описания ключевых политических понятий*. — М.: РОССПЭН.

Лебедев А.В. 2014. *Логос Гераклита. Реконструкция мысли и слова (с новым критическим изданием фрагментов)*. — СПб.: Наука.

Макаренко В.П. 1992. *Марксизм: идея и власть*. — Ростов-на-Дону: Изд. Ростовского университета.

Макаренко В.П. 2003–2004. Распад империй: войны в системе «центр-периферия» (статья 1–2). — *Sofia*. — № 3; № 4.

Макаренко В.П. 2006. Теория сецессии: послышки, аргументы, следствия. — *Вестник Московского университета: Сер.18: Социология и политология*. — № 2.

Новейшая история... 2000. *Новейшая история. Подробности 1945–1999*. — М.: Олимп Астрель.

Поцелуев С.П., Константинов М.С. 2013. Интегративно-когнитивистский анализ моральных фреймов политических идеологий. — *Философия права*. — № 6(61). — С. 61–64.

Синий диван... 2014. *Синий диван. Философско-теоретический журнал* / Под ред. Е. Петровской. — № 19. — М.: Изд. «Три квадрата».

Слотердаик П. 2001. *Критика цинического разума*. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та.

Таевский Д.А. 2003. *Христианские ереси и секты I–XXI веков*. Словарь. — М.: Intrada.

McCallun G. 1987. *Political Philosophy*. — New York: Prentice-Hall.

Williams R. 1990. *The American Indian in Western Legal Thought: The Discourses of Conquest*. — New York: Oxford University Press.